

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

52

МЮНХЕН 1989

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Протоиерей Д. Константинов. Воскресения день...	1
Т. Мянвич. Антиатом	2
В. Пирожкова. СССР и Германия	5
Программная декларация Христианского Патриотического Союза	9
Э. Оганесян. Национальный вопрос в СССР и карабахская проблема	11
Л. Люиг. Эстония под знаком перестройки и гласности	18
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	20
В. Рудинский. Литературы Поволжья	29
В. Пирожкова. Потерянное поколение	31
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	37
В. Зарубин. Лазарь Каганович	46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№52

Март 1989

Мюнхен

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ВОСКРЕСЕНИЯ ДЕНЬ...

Воскресения день... День напряженной духовной радости, дарованной нам Богом. Ликующие, неопишущей красоты пасхальные песнопения окутывают, покрывают, проникают собой жизнь православных людей в эти святые дни, создают совершенно особую ее духовную насыщенность. Сам праздник как бы входит в жизнь людей, во все ее проявления, одухотворяет собой все, чем живет душа православного христианина.

Но это только в отношении людей, близких Церкви, живущих ее жизнью, для тех, кто на советском жаргоне называются "церковники". Ибо нет для них другого более радостного праздника, чем Св. Пасха, но нет и другого праздника, который так бы не терпел формального, холодного, рационального отношения к себе. День Светлого Христова Воскресения раскрывается полностью своей благодатной стороной лишь для тех, кто встречает его подготовленным, кто с уверенностью ждет встречи с Воскресшим Спасителем, для кого Воскресение несомненная реальность, а не повод для атеистических эмоций.

Нет благодатных сторон праздника, они исчезают там, где Пасха воспринимается лишь внешне, как один из церковных праздников, как "национально-религиозный обычай" или просто как "красивая традиция". Для этих людей закрыта и остается непонятной духовная сущность праздника, и говорить с ними на эти темы — то же самое, что говорить со слепым от рождения о красотах окружающего мира.

В связи с этим мне вспоминается одна встреча, имевшая место в конце второй мировой войны. Была ранняя весна. Я шел вдвоем с одним русским офицером по улицам тихого немецкого городка. Разговор зашел о Церкви и перешел на приближающуюся Пасху.

"Скажите, — обратился он ко мне, — Неужели вы верите в то, что Христос воскрес?"

"Представьте себе — верю".

"Это очень смело с вашей стороны".

"Почему?"

"Да потому что совершенно ясно, что

Воскресение Христа — это миф, пришедший из древних религий и реконструированный ранним христианством".

"Я этого не думаю, но вы сейчас повторяете элементарные "истины", изложенные в любом советском учебнике по антирелигиозной пропаганде".

И развивая эту мысль, я сказал ему несколько слов о Пасхе, которые через 45 лет хочу повторить. Я не буду останавливаться на различного рода чисто рациональных конструкциях, которые создала так называемая историческая критика христианства. Здесь и "истерия" Марии Магдалины, и "обман" учеников, за который они почти все приняли мученическую смерть, здесь и теория о том, что Христос не умер на кресте, а находился в глубоком обмороке. В связи со всем сказанным стоит упомянуть, что на Афоне среди ученых монахов имеется взгляд, что первой к месту погребения Господа пришла не одна Мария Магдалина, но вместе с Божией Матерью, которую она только сопровождала.

"По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб" (Матф. XXVIII, 1). Кто была эта другая Мария?

Но не в этом заключается главное. Все доводы исторической критики при вдумчивом анализе рассыпаются как карточный домик, ибо не выдерживают объективной критики. От них пришлось давно отказаться. Замолкли и голоса тех, кто утверждает мифичность евангельского повествования. Практически отброшена и "мифологическая школа" по изучению христианства в Советском Союзе. О ней сейчас почти не говорят. Серьезные ученые от нее отказались. Времена Морозова с его "звездным мифом о Христе" навсегда остались позади. Но что же можно еще сказать на эту тему? Многое...

Правда и истинность Воскресения Господа, его историческая реальность лежит в совершенно иной плоскости. Существуют ли в истории человечества такие религиозные мифы, которые пережили и преодолели историю и продолжают свой путь как реальность сегодняшнего дня? Нет, таких мифов нет.

Все они без исключения стали достоянием истории, литературы, искусства, археологии, отчасти социологии, но и только. Нет ни одного религиозного мифа, религиозного предания, относящегося к любой религии, которое сумело полностью преодолеть историю и сохранить свою действенность в духовно-религиозном плане. Но вот "миф" о Воскресшем Христе, якобы просто пришедший к нам из древних языческих религий, преодолел историю и так же действителен сейчас, как и две тысячи лет тому назад. И в этом коренится бесспорная и несомненная правда Воскресения, его истинность, его несомненная историческая реальность. Его истинность заключается также в его несокрушимой силе, которую никто и ничто не смогли преодолеть. Ни скептики, ни кропотливые ученые-исследователи, ни мощь государственного аппарата, уже три четверти столетия обрушивающаяся в тех или иных формах на христианство и на всякие иные "религиозные предрассудки", абсолютно ничего не смогли доказать или изменить. А сейчас номенклатурная власть начала новый период заигрывания, стараясь тактически "переиграть" явно возрождающуюся в СССР религию. Это сейчас. А сколько богоборцев за истекшие два тысячелетия восставало на Воскресшего? Сколько мученической крови пролилось за Него, сколько жизней было отдано за благовестие истинности Воскресения? И, несмотря на это, уже две тысячи лет сияет и абсолютно не меркнет образ Воскресшего в темноте пасхальной ночи. И будет сиять и дальше...

Правда Воскресения заключается также в той его необычайной духовной притягательной силе, которую ощущает каждый, когда приближается день или ночь Святой Пасхи. И именно эта совершенно особенная сила, сила неземная, зовет нас под кров Воскресшего

Господа, вопреки всем противоборствующим обстоятельствам, приводит к тому, что тысячи и миллионы людей, иногда даже совершенно равнодушных к религии, вдруг устремляются в храм, чтобы поклониться Воскресшему Спасителю.

Церковь устами своих праведников назвала Святую Пасху "праздником праздников и торжеством торжеств". И это несомненная истина. Ничто на земле не может сравниться с этим днем. Это знает каждый, кто так или иначе соприкоснулся с этим Великим Праздником. И никакие "мифы", никакие "исторические ошибки" никогда, ни при каких условиях, не смогли бы создать подобное захватывающее человека духовное торжество. Его могла создать только сама Истина, пришедшая на землю и победоносно преодолевшая смерть. Эта духоносность Пасхи, духоносность особенная, достигшая на земле своего высшего предела, является живым свидетельством истинности Воскресения.

Воскресения день — день величайшей победы духовного начала в мире, победы абсолютной и необратимой. Никакие силы, независимо от того, откуда они будут исходить, не в силах изменить этого положения. А разговоры о том, что в данное время люди стали меньше ходить в храм Божий и почти не праздновать Пасхи, — не имеют никакого значения. Доказательством этого является Советский Союз, в котором одно время вообще фактически не было открытых храмов и, тем не менее, Пасха празднуется и по сегодняшний день. Воскресение Христа — это исторический факт и абсолютная, окончательная победа. И никто и никогда не сможет победить Воскресшего. Этот вопрос решен, решен окончательно и ничто не сможет его изменить!

Христос Воскресе! — Воистину Воскресе!

Томаш МЯНОВИЧ

АНТИАТОМ

Само по себе, вполне логично, если авария на советской ядерной станции в Чернобыле вызывает споры по вопросу о возможности мирного применения атомной энергии. Менее логичен, но при анализе тоже понятен тот факт, что сия катастрофа придала новый импульс западным движениям "борьбы за мир", которые, в частности в Федеральной Германии, быстро превратились в "антиатомные движения". Случай Западной Германии обрисовывается как наиболее крайний: антиамериканские и антизападные группы, поддерживаемые средствами массовой информации, использовали Чернобыль для того, чтобы развернуть кампанию против атомной

энергии как таковой, направляя, на самом деле, свои усилия на разрушение экономического и оборонного потенциала своей собственной страны.

У средств массовой информации в Западной Германии имеет особый успех новое слово: "Антиатомное Движение" (Antiatombewegung). Поскольку же язык средств массовой информации ориентирован на пропаганду, главная задача которой состоит в том, чтобы пробуждать страсти, а отнюдь не в том, чтобы давать определение, — на деле понятие "Антиатомное Движение" остается сугубо неопределенным. Уточним: новый термин вытеснил прежний "Движение за мир" (Frie-

densbewegung), бывший еще в моде во время дебатов о дополнительном вооружении для НАТО в 1983 году и снова воскресший было в ходе дискуссии о SDI (щита против ракет в космосе). Однако, за кулисами обоих движений стоят те же самые люди: "зеленые", большинство социалдемократической партии (SPD), "ангажированные интеллектуалы" и радикальные члены Германской Федерации Профсоюзов (DGB).

Самую яркую движущую силу нового движения составляют "зеленые"; они вполне отдают себе отчет в том, что успех революционной группировки всегда зависит от умения бросить удачный лозунг в подходящий момент (два самых выдающихся тоталитарных вождя, Ленин и Гитлер, тоже это ясно сознавали). Этим и объясняется превращение "Движения за мир" в "Антиатомное Движение": благоприятный момент наступил; а именно, — произошел взрыв советского атомного реактора в Чернобыле, со всеми последствиями.

Эта подмена заключает в себе почти все элементы, наблюдаемые в области манипулирования общественным мнением: от предполагаемой угрозы американских ракет (но не советских, направленных против Западной Европы) до предполагаемой угрозы, которую представляют собою атомные станции (подразумевается: в Западной Германии; хотя взрыв-то произошел в СССР). В дальнейшем, в сфере зрительной пропаганды, ракеты на плакатах заменились "пиктограммами" радиоактивности. Тогда как в 1983 году демонстранты осаждали американские атомные базы, теперь кровавые стычки с полицией, на протяжении многих дней, имели место в Ваккерсдорфе, где строится новая станция для вторичного использования атомной энергии.

Объекты террористических нападений тоже переменились: раньше в этой роли выступали американский военный персонал и учреждения НАТО; после Чернобыля покушения направлены на столбы и линии высокого напряжения, а равно и на электросеть, снабжающую энергией железные дороги. Число подобных атак драматически увеличилось, поскольку их совершители почти не рискуют быть пойманными. Кульминационным пунктом новой волны терроризма явилось произведенное РАФ (Rote Armee Fraktion) убийство, в июле 1986 года, одного из директоров фирмы Сименс, профессора Беккуртса и его шофера (Беккуртс в течение долгих лет был связан с развитием в Западной Германии ядерной промышленности). Вслед за этим злодейством западноберлинская левая газета "Ди Тагесцейтунг" опубликовала ряд писем в редакцию (сплошь анонимных). Некоторые образцы стоит процитировать:

"Браво, РАФ! Замечательная удача! Еще одной империалистической свиньей стало меньше"; "Атомная мафия потеряла ловкого стимулятора WAA (Wiederaufarbeitungsanlage в Ваккерсдорфе); Б. (Беккуртс), spiritus rector высокотемпературного реактора Гамм и других потенциальных Чернобылей, убит прежде чем форсируемые им атомные установки смерти успели развернуть перед глазами народа массовое истребление. Я не испытываю ни малейшего сочувствия к ликвидированному менеджеру атомной индустрии смерти".

Связи между "Движением за мир" и "Антиатомным Движением" не новы: они были отмечены в США. Во время кампании (успешной) против Enhanced Radiation Warhead (нейтронная бомба), оркестрированной главным образом советскими агентами влияния. В 1978 году, председатель "всемирного совета борьбы за мир", Ромеш Чандра, сумел превратить венскую конференцию по вопросам "ядерной энергии и гонки вооружения" в "антинейтронный форум". После того, как Рональд Рейган стал президентом Соединенных Штатов, Москва предприняла новые активные мероприятия, направленные на сей раз против применения ракет типа Першинг II и Крюз. На конференции в Наяке, в штате Нью-Йорк, в 1981 году, представленный организацией "мобилизация ради выживания", был намечен план действий, предусматривающий "поддержку замораживания развития ядерной энергии, солидарность с европейским "Движением за мир", пропаганду против ядерного оружия и ядерной энергии" (J. Barron "KGB Today", N.Y., 1983, p. 282).

Только в контексте псевдореальности, в которой оперируют Зеленые и социал-демократические марксисты, можно объяснить себе совершенно нелогичный феномен: после чернобыльского взрыва весь порыв протестов и пропагандных кампаний оказался направлен против правительства Западной Германии, а не против Советского Союза, хотя ведь именно Советы были ответственны за представлявшие опасность технологические методы, которые обусловили катастрофу, за загрязнение атмосферы вплоть до Западной Германии, а также и за запутывание несчастного случая путем дезинформации.

Тогда как в 60 км от Чернобыля мирно паслись советские коровы, в Ваккерсдорфе санитарные кареты отвозили в больницы десятки германских полицейских с ожогами от "моловского коктейля".

Тактика западногерманских средств массовой информации после взрыва в Чернобыле записана, вероятно, золотыми буквами в анналах советского "влияния". Московский корреспондент второй программы западногерманского телевидения описал речь Горбачева как "слова отца отечества" (Landesvater).

Когда, в конце концов, началась эвакуация черновильского района, западногерманское телевидение "информировало" свою аудиторию, что "советские фермеры протестуют против приказа покинуть свою землю". Шедевр дезинформации! Понятное дело, в СССР нет никаких фермеров, там есть только колхозники, которые землей не владеют, не говоря уже об основном факте, что... Далее, взрыв в Чернобыле послужил предлогом поставить проблему о том, что будет с Западной Германией в случае ядерной войны. Ответы на эти вопросы были даны телевизионному репортеру врачами, — участниками интернационального конгресса врачей для предотвращения ядерной войны. В президиуме конгресса занимал место Евгений Чазов, — врач, офицер КГБ и нобелевский лауреат в борьбе за мир, все в одном лице!

Задача манипулирования общественным мнением — та же самая, что и в период "ракетного психоза": влияя на настроение населения, достигнуть политических целей, которые зеленые формулировали в 1986 году на своем съезде в Ганновере: выход Западной Германии из НАТО, роспуск контрразведки и пограничной стражи, а позже равно и бундесвера западно-германской армии. А в дальнейшем еще и уничтожение экономики, построенной на свободе рынка. Что до проблем энергии, зеленые предлагают окончательное решение: немедленное закрытие всех атомных станций в Западной Германии. (Такое же решение было поддержано и многими политиками из германской социал-демократической партии под руководством Оскара Лафонтена¹.) Боннское правительство не согласно на эту программу; и вот почему вся мощь организуемых протестов устремлена против него.

Какой бы ни была полемика с идеологами "Антиатомного Движения", она столь же бессмысленна, как оказались бессмысленными дискуссии, ведшиеся ранее с "Движением за мир" с целью доказать самоочевидный факт, что американские ракеты предназначены были для защиты Западной Германии. Дискуссия может быть рациональной только, когда речь идет для обеих сторон о той же самой реальности и разговор ведется на общем языке. Язык же идеологических движений в Западной Германии и их пропаганда на-
.....

¹ Во время дебатов по телевидению 28 мая 1986 года, Лафонтен назвал распределение энергии в Западной Германии "государственным терроризмом". Когда распорядитель спросил его, не может ли данное определение быть приложено также и к Советскому Союзу, Лафонтен ответил, что положение дел в СССР похоже на то же самое. Иными словами, Советы приближаются к типу террористического государства, а Западная Германия, согласно Лафонтену уже является таковым.

правлены **против** рационального мышления. (И их задача уже в значительной степени осуществлена, судя по поведению населения в сегодняшней Западной Германии).

Вести полемику с манипуляторами общественного мнения означает подвергаться риску принять их фразеологию и, тем самым, оторваться от реальности. Следовало бы, скорее уж, попытаться понять эти идеологии, проанализировать их язык, их политические цели и их методы превращения реальности во псевдореальность. Закрытие ядерных станций в Западной Германии, которые принадлежат к числу самых безопасных в мире и которые производят приблизительно 1/3 электрической энергии в стране, вызвало бы экономический паралич, немедленное увеличение безработицы на 2-3 миллиона человек, финансовые убытки в несколько десятков миллиардов марок ежегодно, и неожиданную угрозу для экологии в виде роста загрязнения окружающей среды, в результате возобновления работы станций, базирующихся на потреблении угля, значительно более вредных для атмосферы.

Бесспорно, ядерные станции представляют собою потенциальную опасность (если они, в технологическом отношении, принадлежат к такой категории как черновильская), однако в настоящий момент они абсолютно безопасны. Езда в автомобиле тоже может стать опасной, если ездок потеряет контроль над управлением, тем не менее, автомобиль является весьма практичным средством передвижения. Требования о закрытии ядерных станций могут быть сравнены с предложением заменить автомобиль лошадьми или рикшами, дабы предотвратить несчастные случаи.

Ни Оскар Лафонтен, ни зеленые, ни радикальные активисты из федерации профессиональных союзов никогда не упоминают о последствиях, какие бы имело для обороны их страны закрытие ядерных станций в Западной Германии. Потому что, как факт, "борьба против атома" представляет собою просто ширму или лингвистический код для сокрытия их подлинных целей, — разрушения политической и экономической системы в Западной Германии и срыв участия Западной Германии в НАТО.

Оно очевидно, что "атомный психоз", порождаемый не столько взрывом в Чернобыле как западно-германскими средствами массовой информации, произвел определенные политические эффекты. Тенденции политических изменений были уже заметны во время выборов (в июне 1986 года) в ландтаг в Нижней Саксонии. Коалиция ХСД — свободные демократии одержала скромную победу (50, 3% голосов), максимальное увеличение числа голосов пришлось на долю социал-демократов (42,1%; тогда как в 1982 году

она получила всего лишь 36,5% голосов), руководимой Гергардом Шредером, который представляет левое крыло партии. Ранее того еще, во время выборов в Сааре, социал-демократы, возглавляемые Лафонтемом, одержала несомненную победу, получив абсолютное большинство в ландтаге. Эти результаты показывают, что шансы социал-демократии возрастают всякий раз, когда данная партия принимает лозунги зеленых в отношении внешней политики и национальной обороны, хотя бы даже она и отвергала их идеи касательно изменения экономической системы.

Та же самая тенденция проявилась и при последних выборах в бундестаг (в январе 1987 г.): хотя по стране в целом социал-демократы потерпели небольшие потери (37% голосов по сравнению с 38,2% в 1983 г.), главный выигрыш в числе голосов достался зеленым (с 5,6% в 1983 г. до 8,3 в 1987 году).

Но что выглядит более всего пугающим в Западной Германии, это пассивность большинства населения, которое, хотя и не поддерживает устремлений зеленых и их союзников, не проявляет практически никакого сопротивления по отношению к их активности. Это есть так называемое "молчаливое большинство", на котором строятся иллюзорные надежды правительства. Эксперт в вопросах дезинформации Роджер Муккиелли правильно констатировал, что "молчаливое большинство является порождением подрывных активностей" ("La Subversion", BORDAS, Paris; процитировано у В. Волкова в "La Désinformation — Arme de Guerre", Julliard, "L'Age d'Homme", p. 138). Эти активности имеют задачей свести большинство населения к молчанию; молчанию, которое будет выражать его апатию, а не осуждение им врагов существующей политической системы.

Пассивность западно-германской общности сказывается и в упадке ее интереса к выборам; в последних выборах в бундестаг приняло участие только 84,4% избирателей (самый низкий процент, считая с 1949 г.). Число избирателей было еще меньшим в

1986 г. на выборах в ландтаг в Гессене — 80,3%, — где зеленые имели свой максимальный прирост: 3,5%.

Ситуация в Западной Германии показывает нам эффективность антиамериканских средств массовой информации: Ортега и Гассет был несомненно прав, в *La rebelión de las masas*, когда писал, что управление страной базируется на общественной поддержке; а поскольку в наши дни общественное мнение создается средствами массовой информации, то и власть в руках у этих последних.

Зеленые как раз и имеют успех у средств массовой информации в Западной Германии. Остается удивляться, почему средства массовой информации уделили столь мало внимания встречам зеленых в Москве с советской компартией, в апреле 1986 г.; именно тамошние дискуссии, и решения из них протекающие, способны дать нам ключ к действительной политике зеленых: их заботы об экологии и о защите природной среды имеют второстепенное значение; удивительно тоже, что политические комментаторы не заметили странного промедления в реакции зеленых на Чернобыль.

Диссиденты в Польше, которые смотрят на зеленых как на своих союзников, должны бы над этим призадуматься. Интересное совпадение: ливийский диктатор, полковник Кадафи, заявил, давая интервью западно-германскому телевидению: "Все зеленые и все пацифисты — наши союзники".

После кажущегося ослабления, некоторое время тому назад, симптомов социального психоза в Западной Германии, мы наблюдаем теперь новую критическую его фазу. Представители зеленых, четыре года тому назад, влезая на деревья в Ваккерсдорфе, насилию сумели собрать несколько сот человек, потому что момент не благоприятствовал. Все изменилось после Чернобыля. Это бедствие может служить иллюстрацией одной из характерных черт коммунизма, непостижимой для западных умов: прагматической телеологии сей системы, которая умеет извлекать для себя пользу даже из трагедий и несчастных случаев.

В. ПИРОЖКОВА

СССР И ГЕРМАНИЯ

Горбачев выбрал Германию. Это вполне в духе ленинских заветов, называл же Ильич Германию ключом к Европе. Но мы забегаем вперед, кто же говорит о захвате Германии? Дело идет совсем о другом. Представитель мировой державы в Кельне Николай Кузнецов нарисовал изумительную картину сотрудничества доброй воли мировой державы и технического совершенства маленькой страны. За-

падная Германия должна нести в СССР технику. "Русский дом" в Кельне ставит себе задачей наладить контакты между советским хозяйством и средними предпринимателями Германии. Боннский представитель "Известий" Бовкун сладко поет о том, что теперь "Известия" каждый вторник будут печатать рекламу этих фирм непосредственно. Правда, в самой передовой стране не хватает

бумаги даже для перестройки, а потому объявления фирм будут печататься только в 600 000 московских экземплярах, но по желанию будут высылаться экземпляры с рекламой даже в самую глухую провинцию. Издательство и редакция "Известий" сотрудничает в этом вопросе с издательством "Бурда" в Западной Германии, его представитель Гартмут Шуман пребывает в состоянии непрерывного восторга, это нечто совсем новое, небывалое, мировая премьера. Бурда уже почти два года сотрудничает с советскими изданиями, в 1986 г. вышло первое издание журнала мод Бурда на русском языке. Теперь тираж этого журнала мод достиг 1,5 миллионов экземпляров.

В Германии живет и поет берлинец Иоганн Репер, выучивший русские песни на русском языке и взявший себе псевдоним Иван Ребров. У него богатый бас, берущий четыре с половиной октавы, больше всего он любит петь "Двенадцать разбойников", но все русские песни поет на свой манер и искажает их немилосердно. Теперь он стал горбачевцем, сравнивает его с Петром Великим и выпустил пластинку с новыми песнями под названием "Гласность" и "Перестройка". Одна знакомая спросила меня, поет ли он эти песни на мотив "Двенадцати разбойников", но я не могла удовлетворить ее любопытство, т.к. пластинки еще не слышала, только читала о ней в газете.

Но Иван Ребров ломится в открытые ворота: в Германии восторг в отношении Горбачева широко распространен. Согласно опросам больше 80% населения не верит больше, что со стороны СССР может грозить какая-либо опасность. Даже в Берлине, рядом со стеной позора, люди вполне беспечны. Это сказалось на последних выборах в Берлине, происходивших 29 января. Коалиция между христианскими и свободными демократами разбилась, поскольку свободные демократы получили лишь 3,9% голосов и тем самым не вошли в западно-берлинский парламент. Христианские демократы вместо 46,4% получили 37,8% голосов, социал-демократы прибавили и поднялись с 32,4% на 37,3% голосов. В Западном Берлине зеленые называют себя "альтернативным списком", и он увеличил свои пункты с 10,6% до 11,8% голосов. Впервые вошли в парламент республиканцы, получившие сразу 7,5% голосов и 11 мест в парламенте. Альтернативные (зеленые) имеют 17 мест, а обе большие партии по 55 мест. Число избирателей, воспользовавшихся своим правом, было ниже, чем когда бы то ни было.

Шум вокруг республиканцев был поднят огромный, демонстрации протеста левых, обвинение их в нацизме и пр. Республиканцы, конечно, не нацисты, но они умеренные

националисты, и как раз это принесло им успех. Западный Берлин залит иностранцами, причем не европейскими, а людьми другой культуры, других обычаев и другой религии, преимущественно турками, арабами, тамилами и другими азиатами. Особенно много турок. Есть районы, где в детских садах и в школах немецкие дети составляют меньшинство. Одна немолодая женщина так и аргументировала то, что подала голос за республиканцев: "У меня есть маленький внук, я не хочу, чтобы, когда он пойдет в школу, он был бы в классе единственным немецким ребенком". Это совсем не ненависть к иностранцам, как кричат левые, да и многие меди, но родители или бабушка и дедушка боятся, что в школе, где больше половины детей не владеет или плохо владеет немецким языком, их ребенок не научится корректно говорить и писать на родном языке. Это опасение особенно распространено среди простых людей, интеллигентные семьи могут сами привить своему ребенку культурные навыки, также и в языке, но простые люди надеются на школу. Неудивительно, что в рабочих районах республиканцы получили особенно много голосов. Республиканцы во все не ведут травли против иностранцев, они только предлагают постепенно принять меры, чтобы хоть часть их вернулась в свою страну. Турция — не Румыния, несмотря на многие недостатки, ее население может жить и не подвергаться преследованиям, там нет и голода. В Западной Германии шире, чем где-либо, применяется право убежища. И им пользуются как в действительно трагических случаях, так и те, кто никем не преследуется дома, но хочет устроиться в более зажиточной Германии. Все годы войны Ирана и Ирака в Германию попадало много иранских детей. Ведь Хомени призывал 14-летних и даже 13- и 12-летних мальчиков. Родители, если могли набрать денег на билет, сажали своих сыновей в самолет и отправляли в Западную Германию. И их всех принимали, кормили, одевали, учили немецкому языку, посылали в школы. Теперь хоть этот поток прекратился, но все еще прибывают дети из Эритреи, Шри Ланки и других стран. Но наряду с такими просителями убежища полиция нередко вскрывала, например, сенегальцев, которые рассказывали всякие истории о преследованиях, а на самом деле торговали наркотиками. Христианско-социальный союз в Баварии давно настаивает на том, чтобы ограничить права убежища и давать его только действительно преследуемым, но на пути к этому стоят свободные демократы, входящие в боннскую коалицию. Вот они и вылетели из берлинского парламента. Какое все это имеет отношение к СССР? А вот его милый союзник, ГДР, вряд ли без ведома Москвы

все время накаливала этот поток, т.к. если тамилы или другие азиаты приземлялись в Восточном Берлине, их сразу же перебрасывали в Западный. Больше того, Восточный Берлин зазывал ищущих убежища азиатов и перекидывал их в Западный Берлин.

Положение сейчас накалилось еще прибитием масс немецких переселенцев, приезжающих из СССР, Румынии, Польши. Горбачев, Чаушеску, Ярузельский сразу одновременно стали "добрыми" и выпускают немцев, которых десятилетиями или не выпускали совсем или же выпускали по капле. Теперь едут массы. Западная Германия не может справиться. А для здешнего населения, совершенно неосведомленного относительно истории немцев в СССР, эти люди, из которых разве что старые еще говорят порядочно по-немецки, они такие же иностранцы. Если в Румынии идет настоящее уничтожение меньшинств, венгры бегут даже в коммунистическую Венгрию, где, конечно, значительно лучше, чем в Румынии Чаушеску, то при господствующей здесь горбачевской эйфории очень многие не понимают, зачем едут немцы из земли такого милого генсека. А тут еще один из лидеров социал-демократов Лафонтен подзуживает: "Для меня любой негр из Южной Африки имеет большее право на то, чтобы мы его приняли, чем немцы, уезжающие из стран, где их никто не преследует". Это немцы, сосланные в Казахстан! Германия же обязана принимать немцев, а вот прием иностранцев она может ограничить, но правительство на это не решается.

Что будет теперь в Западном Берлине? Теоретически может образоваться большая коалиция или же социал-демократы могут коалировать с зелеными. Последние, однако, требуют, чтобы союзные войска покинули Западный Берлин и чтобы Западный Берлин не перенимал автоматически законы, издаваемые бундестагом, как это имело до сих пор место, т.е. они хотят прервать правовое единство с Федеральной республикой. Социал-демократы требуют от зеленых отказа от этих пунктов. Возможно, они для вида откажутся. Но опасность еще в том, что фактически зеленые связаны с террористами, и... их пустить в правительство? Республиканцы имеют также поддержку значительной части берлинской полиции, которой надоело, что их безнаказанно избивают политические хулиганы. Мне придется отослать эту статью раньше, чем выяснится, какая коалиция будет образована в Берлине, или же будут назначены новые выборы. Но 5 февраля в беседе по телевидению об этом вопросе один из журналистов (единственный нелевый) вспомнил слова Хрущева: "Берлин упадет нам в подол как спелое яблоко". На него

сразу же зашипели, а он возразил: "Я только привел цитату".

В начале января в Западной Германии был очередной съезд германской компартии. В качестве гостя из СССР приехал Яковлев. 8 января он выступал по немецкому телевидению в качестве гостя так называемого клуба прессы. Журналисты спрашивали, Яковлев отвечал. На этот раз его слова не заглушали сразу переводом, так что его можно было слышать по-русски, а уже потом переводили. Демагог и агитатор он очень хороший. Несколько примеров этого: его спросили, не раскалывается ли немецкая компартия, т.к. там есть крыло, стоящее за ГДР (как известно, в ГДР запрещен советский журнал "Спутник" и было запрещено 5 советских кинофильмов, среди них нашумевший фильм "Комиссар"), а другое крыло за СССР. Яковлев ответил: "Неужели я вам, демократам, должен объяснять, что и внутри одной партии могут быть разные мнения?". Спрошенный о берлинской стене, он ответил, что СССР это не касается, это дело суверенного государства ГДР. Впрочем, позже Шеварднадзе все же выступил в пользу стены и тем самым показал, что СССР это касается. Яковлев долго рассуждал о том, что вот, мол, на Западе считают Варшавский пакт агрессивным, а советское правительство считает НАТО агрессивным. Ему напомнили, что даже в советской прессе было признание, что СССР вел себя нередко так, что мог возбудить сомнение в своем миролюбии. Яковлев сначала смутился, даже начал отрицать, что такие высказывания были в советской прессе, но потом нашелся: "Так это же было мнение одного историка, а ведь только в тоталитарных государствах отдельные люди не могут высказывать своего особого мнения, но правительство и большинство общественности СССР считает НАТО агрессивным". Ловко повернул!

Оживился же Яковлев только, когда американский журналист его спросил: "Считаете ли вы, что США должны вывести свои войска из Европы?" Яковлев заулыбался, закивал головой: "Да, да, конечно же должны вывести. Это же наш общий европейский дом, зачем нужны здесь американские войска?" И под конец еле внятно пробормотал: "Ну и мы можем вывести наши войска из стран Восточной Европы". Эти слова явно были сказаны лишь для успокоения умов.

Лозунг "наш общий европейский дом" был выкинут Горбачевым уже вскоре после прихода к власти. Министр иностранных дел Западной Германии Геншер его полностью принял. Он употребил его даже в своей речи в Потсдаме, первой его речи на территории ГДР после его бегства оттуда. Мне неизвестно, говорил ли он, живя в ГДР, речи и, если да,

то какие, но после бегства это была его первая речь там, и он говорил о "нашем общем европейском доме".

До выборов в бундестаг осталось еще почти два года, за это время настроения избирателей могут сильно измениться, но в данный момент согласно опросам положение христианских демократов не блестяще. За республиканцев же готовы голосовать 4% избирателей, объясняя это несправедливым отношением к ним других партий и прессы. Республиканцы — это результат основной ошибки покойного Штрауса. Я писала об этом в статье о нем в № 51 "Г.З.". Если бы он распространил христианско-социальный союз, более консервативный и более национальный, чем христианские демократы, на всю республику, то республиканская партия бы не возникла". Она и результат политики генерального секретаря христианских демократов Гейслера, который, кажется, чаще бывает в Чили и требует свержения Пиночета, чем у себя на родине. Но христианско-социальный союз невозможно было обвинять в нацизме, тогда подобные обвинения уже посыпались на республиканцев. В этом пункте судьбы немецкого и русского народов сходны: едва кто-либо заикнется о патриотизме, как его сразу же обвинят в шовинизме, сверхнационализме или нацизме. Эта травля может привлечь к республиканцам избирателей, но она же может дать повод СССР в известный момент "принять меры против нацизма".

Но мы снова забегаем вперед. Новый американский президент и новый американский министр обороны думают не без основания, что европейцы могли бы внести большой вклад в общую оборону. Но общее психологическое настроение для этого сейчас в Германии крайне неподходящее. Горбачев объявляет об одностороннем сокращении советских войск и публикует совершенно искаженную схему войск Варшавского пакта и НАТО (число войск НАТО крайне преувеличено), а многие медики здесь принимают это без поправок. Мысль о том, чтобы внести большую лепту в общую оборону, будет в Западной Германии встречена крайне отрицательно. Против кого обороняться? Против улыбающегося генсека?! Или против "очаровательной" Раисы, которую немцы называют "Райса".

В будущем канцлеры в Бонне метят социал-демократ Лафонтен. В своих высказываниях он был прежде крайне левым и единственный из крупных социал-демократов требовал выхода Западной Германии из НАТО. Несмотря на это, он стал министром-президентом Саарской области и с этого времени в своих высказываниях сильно переменялся. В иных случаях стал говорить

даже противоположное прежнему. Не боялся сцепиться с профсоюзами и приобрел симпатии многих предпринимателей. Только о НАТО он молчит, не требует больше выхода, но и не высказывается в пользу НАТО. Лафонтен — прожженный политик, настырный, умелый и ловкий. В действительную перемену его взглядов плохо верится. Вернее, плохо верится, что у него есть принципы. Думается, он пойдет по наиболее выгодной для его карьеры и власти линии. Согласно теперешним опросам, обе большие партии не блещут, но христианские демократы получили бы немного меньше, чем социал-демократы. Если так на самом деле произойдет, то социал-демократы постараются образовать правительство в коалиции либо со свободными демократами, либо с зелеными, либо с теми и другими. Тогда может стать актуальной проблема вывода американских войск и нейтрализации Западной Германии. Американцы относятся к Геншеру недоверчиво, говорят о "геншеризме". Недавно граф Ламбсдорф, новый председатель свободных демократов, успокаивал американцев, посетив США, но, думаю, что Геншер, постоянно взывающий о том, что надо помогать Горбачеву, и перенявший советский лозунг об "общем европейском доме", пойдет на нейтрализацию.

Это, думаю, и есть прицел Горбачева, связать Западную Германию хозяйственными узами так, что ей трудно уже было бы их разорвать без сотрясения своего хозяйства, выпышки безработицы и пр., одновременно наводнять Германию переселенцами — их в наступающем году опять очень много ожидается — и или поставить ставку на социал-демократов, свободных демократов и зеленых, или раздуть якобы грозящую опасность нацизма, перекрашивая консервативных националистов в нацистов, и "протянуть руку помощи". Бедный, разоренный, но и героический Афганистан Горбачеву ни на что не нужен, иное дело материально богатая, но духом слабая Германия. Таковы, думаю, планы, а удастся ли их претворить в действительность, это уже другой вопрос.

Отметим с краю, что наступил момент соединения СССР и красного Китая. Мы никогда не сомневались, что он однажды наступит. Ссора была нужна тогда, когда Запад еще опасался коммунистов, тогда им внушали, что есть хорошие и есть плохие коммунисты. Хорошим надо помогать, чтобы плохие их не одолели. Сначала хорошими были советские коммунисты (при президенте Джонсоне), а китайские плохими. Затем при Никсоне они переменились ролями. Но всегда США снабжали деньгами и технологией тех или иных коммунистов. Теперь незначителен, Запад всех коммунистов считает

хорошими и всем валит кредиты и технологию.

Но не напоминает ли пропаганда за "хорошего Горбачева" (а то как бы не съел его "злой Лигачев" или другие безымянные

злюки) прежнего разделения по странам на хороших советских и плохих китайских или хороших китайских и плохих советских коммунистов?

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы печатаем программу Христианского патриотического союза для информации читателей и желаем новому союзу успеха в его трудной деятельности.

17 декабря 1988 года в Москве состоялся Учредительный Съезд Христианского Патриотического Союза, на котором принята Программа и Устав ХПС. Съезд открыл Владимир ОСИПОВ, который выступил с речью об историческом значении создания Христианского Патриотического Союза. С отчетом о работе Инициативной Группы "За духовное и биологическое спасение народа" выступил Евгений ПАШНИН, который сообщил присутствующим о поздравительных телеграммах, рассказал о первой трагической утрате Христианского Патриотического Союза, о преждевременной гибели пламенного патриота России ЕРМИЛИНА Владимира Васильевича, ленинградского инженера, активного члена ХПС. С проектом программы ХПС выступил А. АНДРЕЕВ. С проектом Устава присутствующих ознакомил Е. ПАШНИН. Учредительный Съезд Христианского Патриотического Союза избрал руководящий орган, возглавляемый Председателем ХПС В. Н. ОСИПОВЫМ и образовал функциональные рабочие группы:

1. Секретариат (его возглавили Е. И. ПАШНИН и В. И. ШИМАНЮК).
2. Информационно-издательская группа (ее возглавили В. Н. ОСИПОВ и Клавдия ЗАГОРУЙКО).
3. Культурный Центр (его возглавил Н. ЛЫЗОВ).
4. Группа аналитиков (возглавили А. АНДРЕЕВ и В. МИГУНОВ).
5. Приемная по оказанию помощи верующим в регистрации церковных общин и открытии храмов (возглавил Алексей ЗАЛЕССКИЙ).
6. Экологическая группа (возглавил Виктор БЕСКРОВНЫХ).
7. Производственно-хозяйственная группа (возглавил Ю. ВЕНЕДИКТОВ).
8. Ревизионная группа (возглавила Надежда МАМЫРЕВА).
9. Группа развития (возглавил Сергей УСТИНОВИЧ).
10. Группа милосердия (руководитель еще не выбран).
11. Группа связи.

ПРОГРАММНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Богоборческая атеистическая политика государства, принимавшая периодами за последние семь десятилетий отечественной истории особенно жестокий характер, подрывала христианскую общественность, церковное просвещение и духовность народа, что, в значительной степени, вызвало утрату национального самосознания. Попытка построить на земле атеистическую систему привела к тому, что последний год нашего тысячелетия может стать последним для христианской цивилизации в России и самого русского народа. Уничтожено крестьянство — корень народа, носитель вековых традиций. Загублены плодородные почвы, химизированы продукты питания, прогрессирует умственная и физическая деградация людей. Монополия атеизма привела к духовному и нравственному оскудению, способствовала эпидемии алкоголизма и наркомании. Распадаются семьи, увеличивается количество сирот при живых родителях. Растут преступность и разврат. В

тупике экономика, политика, культура.

Разрушение множества памятников истории и культуры, уничтожение исторической памяти нации привели к тому, что среди русских людей утрачивается осознание себя единым народом.

Христианский Патриотический Союз видит спасение нации в возрождении духовных основ жизни. Во имя духовного и биологического спасения народа Христианский Патриотический Союз ставит следующие задачи:

1. Всемерно способствовать духовно-нравственному обновлению общества и возрождению национально-патриотического самосознания народов России. Сущность русского народа в православии. В последнее время в сознании общества все более входит понимание христианства как источника нравственности. Ничто не восполняет воспитательной силы религии. Христианский Патриотический Союз намерен:

— добиваться подлинного отделения Церк-

ви от государства и государства от богоборческого атеизма, требовать предоставления права русскому народу одному решать: хочет ли он растить своих детей атеистами или приобщать их к вере, не подвергаясь при этом гонениям;

- ходатайствовать перед Русской Православной Церковью о канонизации новомучеников XX века;

- добиваться разрешения на строительство храмов и передачи сохранившихся храмов и монастырей верующим, возвращения Церкви принадлежащих ей реликвий и святынь;

- оказывать всестороннюю помощь общинам в возвращении им храмов, используемых не по назначению;

- добиваться организации при храмах воскресных школ для преподавания и изучения Закона Божия, свободного издания богослужбной и богословской литературы, снятия ограничений на христианское просветительство. Спасение народа в сохранении и усилении Церкви;

- добиваться пересмотра ныне существующих взглядов на историю русского народа и русского государства с тем, чтобы исторический путь России и ее народа был отражен правдиво; развивать исторические знания народа, так как только осознание своей истинной истории сможет помочь ему избежать в будущем роковых ошибок; творчески осваивать культурное историческое наследие, накопленное многими поколениями нашего народа. С этой целью Христианский Патриотический Союз будет организовывать просветительские лекции, освещающие историю, культуру и быт русского народа, издавать свой печатный орган, участвовать в издании соответствующей литературы и в распространении ее, оказывать помощь в сохранении исторических памятников и восстановлении уничтоженных;

- добиваться чистоты русского языка, возвращения русских названий, возрождения национальной символики, обычаев, традиций, народного творчества, промыслов;

- добиваться широкого освещения этих тем с использованием средств массовой информации.

Русский народ в СССР оказался сегодня в бесправном и бедственном положении. Он не может развивать свою культуру, не имеет своей Академии Наук, не имеет своей самостоятельной столицы.

Христианский Патриотический Союз будет добиваться:

- опираясь на поддержку народа, подлинного равноправия русских с другими народами СССР;

- постановки на обсуждение вопроса о переносе столицы СССР в другой город, сохранив за Москвой статус столицы РСФСР;

- создания патриотического культурного центра с последующей организацией филиалов такого центра в других республиках и странах, где проживают русские.

2. Поддерживать конструктивные формы движения за перестройку общественных отношений в нашей стране. Осуществление этих перемен возможно лишь при самом широком участии народа в решении важнейших вопросов. Поэтому ХПС будет добиваться созыва всесоюзных референдумов для решения важнейших задач СССР и внутрироссийских — для жизненно важных проблем РСФСР. Решения, принимаемые в других республиках, но затрагивающие интересы России, также должны решаться на референдумах и осуществляться лишь после одобрения всего народа. В случае отказа правительства в созыве референдумов, проводить опросы общественного мнения силами Христианского Патриотического Союза. Их результаты обнародовать и, доведя до сведения правительства, добиваться выполнения воли народа;

- оказывать поддержку всем начинаниям, направленным на коренную перестройку;

- участвовать в движении, несущем в себе милосердие, справедливость;

- вносить свой вклад в существующие благотворительные фонды и создать свой фонд, целью которого будет содействие христианам в ремонте существующих и строительстве новых храмов, поддержка слабых и ищущих путь спасения, материальная помощь нуждающимся, создание семейных детских домов и т. п.;

- добиваться представительства ХПС в органах управления страной на равных правах с КПСС и другими общественными организациями.

3. Участвовать в экономическом обновлении с тем, чтобы в короткие сроки достичь хозяйственного подъема страны при бережном расходовании национальных ресурсов, и обеспечить восстановление среды обитания.

ХПС выступает за сочетание государственной, общественной и индивидуальной инициативы, свободного кооперирования и государственного регулирования. Экономическое обновление страны возможно лишь в том случае, если народ будет реально владеть землей и средствами производства. Каждый гражданин имеет право на собственный надел земли. Поэтому ХПС будет добиваться передачи земли народу и создания акционерных предприятий, держателями акций которых должны быть в первую очередь трудящиеся этих предприятий. Свой вклад в экономику страны ХПС видит в создании сельскохозяйственной зоны по производству экологически чистых продуктов, обеспечиваться которыми будут, в первую очередь, дети, престарелые и инвалиды. Сохранение природных ресурсов

возможно лишь при полной гласности. ХПС будет добиваться обнародования всех международных соглашений, которыми предусматривается вывоз природных богатств страны, проектов, касающихся изменения среды обитания или строительства предприятий, опасных, пусть даже потенциально, для человека и природы;

— содействовать воплощению в жизнь программы правительства "К 2000-му году каждой семье отдельное жилье", создавая наиболее благоприятные условия для желающих жить в деревне. Добиваться осуществления социально-экономических мероприятий, в результате которых женщина могла бы посвящать себя воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства, что послужит укреплению семьи.

4. Обеспечивать движение к правовому государству, развивая правосознание, чувства гражданственности и патриотизма. Правовое государство возможно лишь при существовании наиболее четких и справедливых законов и широком развитии общественного самоуправления. ХПС будет:

— настаивать на отказе от практики издания законов и подзаконных актов, скрываемых от народа. Народ должен знать все нормативные акты;

— добиваться организации общественных комиссий по надзору за соблюдением законности. В эти комиссии должны войти как представители общественных организаций, так и отдельных граждан. Требовать предоставления комиссиям широких полномочий по реализации своего назначения;

— добиваться изменения существующей судебной системы и, в частности, замены института народных заседателей коллегиями присяжных, избираемых населением ежегодно;

— добиваться допуска священников и верующих к участию в исправлении правонарушителей.

5. Вносить свой вклад во всестороннее

развитие дружеских чувств и связей между всеми народами, совместно проживающими в нашем отечестве и имеющими общую историческую судьбу. Вести посильную просветительскую работу среди народов других республик о подлинной роли России и русского народа в их истории, знакомить русский народ с культурой, историей и традициями всех народов, связанных с Россией общей исторической судьбой. Противостоять распространению враждебного отношения к какому-либо народу, и, в частности, к русскому. Истинный патриот тот, кто, любя свою национальную культуру, с должным уважением относится к культуре других народов.

6. Способствовать развитию международных отношений в духе мирного сотрудничества, христианской любви и терпимости. Каждый народ имеет право на свободное развитие традиционного уклада жизни. Христианский Патриотический Союз будет:

— поддерживать стремление к сотрудничеству со всеми народами, исключаящими в своих внешнеполитических целях насильственный захват территорий и любые формы геноцида.

Содействовать свободному возвращению на родину патриотов, проживающих за рубежом, оказывать им поддержку.

7. Стремиться к объединению и координации усилий всех патриотических сил в стране и за ее рубежом. Для осуществления этого ХПС считает необходимым установить связи со всеми существующими общественными движениями, разделяющими принципы, изложенные в данной программе, а также иметь своих представителей и отделения в других странах.

Москва, 17 декабря 1988 года

Принято Учредительным Съездом Христианского Патриотического Союза единогласно. P.S. В СССР образовался Союз русских художников (ред.).

Э. ОГАНЕСЯН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР И КАРАБАХСКАЯ ПРОБЛЕМА

В нашей жизни мы часто встречаемся с понятиями, которые нам кажутся ясными и определенными, но как только мы пытаемся использовать их в разговоре с другими, оказывается, что наш собеседник под тем же понятием понимает совершенно другое, и у нас общего разговора с ним не получается. К таким понятиям относятся справедливость, любовь, честь, мораль, долг и т. д. К ним же относится и то, что называется национализмом и что иногда используется в положительном,

а иногда в отрицательном смысле. Я не буду здесь вдаваться в философскую сущность национализма, я лишь отмечу, что национальное чувство есть оружие самосохранения нации. Без этого чувства, лишь на основе логических построений, нацию сохранить не удастся.

Но возникает вопрос: а почему нужно сохранять нацию? Я думаю, что на этот вопрос никто не может дать вразумительного ответа, как никто не может ответить на

вопрос, почему нужно сохранять и беречь людей, даже очень больных, даже очень противных, даже самых злых и нечестных. Видимо, ответ один: они составляют элементы мировой гармонии, они созданы Богом, и только Ему знать, почему они созданы. Нам же дана воля к жизни, проявление которой и есть национализм.

И несмотря на то, что национализм в сущности своей консервативен, ибо опирается на традиции, иногда очень устарелые, тем не менее сохранить нацию вовсе не означает удержать ее в том состоянии, в котором она сейчас находится. Такое сохранение равносильно гибели, ибо невозможно стоять на месте, ни тем более плыть против течения в той бурной и стремительной реке, какой является наша жизнь. В этой бурной реке, где стремительно сменяются поколения и идеи, нация проходит через этапы своего развития от общности культуры к национальному самосознанию, от национального сознания к политической организованности, затем к борьбе за независимость, к независимости, к расширению своего влияния или даже к мировому господству, независимо от того о каком господстве идет речь: политическом, экономическом или моральном. Трудно показать пределы национальных устремлений. Видимо, все зависит от возможностей нации и эти возможности нация постоянно пытается расширить.

Вот и получается, что национальный вопрос сам по себе зависит от состояния нации и совершенно различен для разных наций.

Для ассирийцев национальный вопрос — это организация издательства одной газеты и выяснение, сколько их осталось в мире. Для палестинцев — создание государства¹, для немцев — воссоединение двух Германий, для курдов — приобретение независимости, для армян — осуждение геноцида 15 года и т.д. И вот теперь мы должны попытаться выяснить, в чем же состоит нерешенность национальной проблемы в СССР и что может сделать Горбачев для ее решения.

Конечно, можно было бы сказать, что все народы СССР хотят независимости, а им эту независимость не дают. Значит, решить национальную проблему можно только путем выхода республик из состава СССР. Но такой подход был бы очень примитивен, и обсуждать его было бы глупо.

Если у палестинцев нет государства¹, а у курдов — независимости, если немцы не могут сломать берлинскую стену и на этой стене каждый месяц повисают трупы застреленных пограничниками молодых немцев, то это значит, что кто-то им мешает, что кто-то не заинтересован в решении этих проблем и с этой незаинтересованной стороной мы вынуждены считаться, если не способны убрать

недоброжелателя силой. Моральные принципы здесь ни при чем, они лишь нужны для прикрытия насилий, ибо в политике, к сожалению, мораль не играет никакой роли. Вот почему следует говорить о тех проблемах, которые могла бы решить советская власть в рамках своей государственности, но не решила. Таких проблем много, но их можно разбить на три основные группы.

Моральные, экономические и политические проблемы.

К моральным проблемам относится все то, что несправедливо с некоторых высших, общечеловеческих принципов. Здесь самая главная нерешенность в том, что к разным народам, у которых разный исторический опыт и которые находятся на разных этапах национального развития, применяются одинаковые мерки. А уравнивание неравных есть высшая несправедливость. Сюда можно отнести и несправедливое распределение границ между республиками, и то, что в одних республиках академики находятся на уровне студентов других республик, и несправедливое размещение промышленных предприятий, при котором не учитывались ни национальные трудовые ресурсы, ни природные условия, ни что-либо иное в национальном отношении. Сюда можно отнести также пренебрежительное отношение к так называемым нацменам со стороны русских и то, как этих нацменов изображают в советском кино или в художественных произведениях и как их обзывают на улицах. Или, наоборот, отношение этих национальностей к русским. Но многие из этих проблем не имеют юридической основы, и их Горбачев не может немедленно исправить, если даже очень захочет.

Горбачевское руководство решило заняться национальным вопросом по многим причинам, из которых здесь можно выделить главные.

1. Необходимость заняться национальными вопросами советскому руководству была продиктована снизу, в отличие от всех других областей внутренней политики, которые были охвачены гласностью сверху. Демонстрации крымских татар, события в Казахстане, в прибалтийских республиках, создание народных фронтов, борьба за чистоту национальных языков в Белоруссии и на Украине, демонстрации в Грузии и, наконец, Карабахская проблема заставили советских руководителей заняться национальной проблематикой.

2. Горбачевское руководство стремилось привлечь на свою сторону национальную интеллигенцию в союзных республиках, как это оно сделало в Москве и Ленинграде. Горбачевское руководство очень быстро поняло, что в республиках местные власти отчаянно сопротивляются политике гласности и перестройки, и решило на них натравить

интеллигенцию, которая, как правило, является носителем национальной идеи.

3. Децентрализация в управлении экономикой неизбежно создала бы разницу в жизненных уровнях различных республик. Прибалтийские республики уже запретили вывоз из своих республик тех товаров, которых не хватает в самой республике, например цветных телевизоров, холодильников и других товаров. В этой ситуации наверняка появятся бедные и богатые республики, т. е. создастся экономическое неравенство между республиками, что было недопустимо при старых методах управления. Горбачевскому руководству в новых условиях можно было бы вину за экономическую отсталость той или иной республики возложить на саму республику. Но для этого нация должна была почувствовать, что на своей территории она действительно хозяйин положения и только по собственной вине она отстает экономически.

4. Четвертый фактор, заставивший советских руководителей вспомнить о нерешенности национальной проблемы, имеет внешнеполитический характер. Здесь речь идет не только о том, что советская власть пытается предстать перед Западом с демократическим лицом, но она еще и пытается нейтрализовать зарубежные национальные организации, которые в настоящее время являются единственными антисоветскими организациями. Слушая выступления советских руководителей, читая советскую прессу и слушая советские радиопередачи, многие армяне, русские, евреи и другие возвращаются в Советский Союз, считая нынешнюю ситуацию в СССР приемлемой для жизни, а различные партии и организации отказываются от борьбы с коммунизмом и советской властью.

Проблема Нагорного Карабаха является той типичной проблемой, по которой можно проследить политику советских властей по национальному вопросу. Карабахская проблема была навязана Кремлю снизу, она стала поводом для смещения первого секретаря ЦК компартии Армении К. Демирчяна, она стала поводом для заигрывания с армянским зарубежьем, и, кроме того, учитывая природное и традиционное предпринимательство армян и их хорошие связи с зарубежными армянами, горбачевское руководство надеялось превратить армян в образцовый перестроечный народ в области экономики.

А нерешенность Карабахской проблемы содержала в себе все три вышеотмеченных пункта: моральный, экономический и политический.

Нагорный Карабах, или, по его древнему названию, Арцах, всегда был заселен армянами и всегда принадлежал Армении. Он оставался независимым армянским государственным об-

разованием даже тогда, когда Великая Армения завоевывалась чужестранцами.

Ни для мировой истории, ни тем более для армян в этом нет ни малейшего сомнения, но я избавлю читателя от скучной аргументации в пользу исторической принадлежности Карабаха, поскольку это к сегодняшней ситуации прямого отношения не имеет. И тем не менее, именно историческая принадлежность укрепила в карабахцах национальное самосознание, и духовно они всегда принадлежали Армении.

Их не могло не возмущать то, что писалось о Карабахе в Азербайджанской энциклопедии, что в армянских школах не проходили историю Армении, что в Карабахе уничтожались шедевры армянской архитектуры и осквернялись армянские кладбища.

В экономическом плане дела обстояли еще хуже. В Нагорном Карабахе умышленно не развивалась промышленность, и молодежь вынуждена была покидать родной край. А рядом, в Армении, в городе Кафане, есть отделение Академии Наук Армянской ССР, завод вычислительных машин, мебельная фабрика, электроламповый завод, химический комбинат, университет и т. д.

А в политической плане все управление областью ведется из Баку. Все это вызвало законное желание карабахцев воссоединиться с Арменией. Эти чувства должны быть понятны. Они есть и у немцев, и у китайцев, и у албанцев, и у всех разделенных наций. Карабахцы о своем желании присоединиться к Армении писали Хрущеву, Брежневу и Горбачеву, но от двух предыдущих ответа не получили, а Горбачев ответил. Устами ЦК КПСС он сказал, что требования армян не соответствуют интересам трудящихся Азербайджана и Армении. Его ли это было решение, трудно сказать, но взрыв массовых демонстраций произошел именно тогда. О событиях этих вы знаете, и на них я останавливаться не буду.

23 марта под председательством Андрея Громыко состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором было решено оставить Карабах в составе Азербайджанской ССР. Бурные события, предшествовавшие этому решению, не давали возможности выяснить распределение сил в Карабахском конфликте, но последующие события позволили это сделать. Самым потрясающим был факт, что, как сообщило ТАСС, на заседании Президиума Верховного Совета выступил М. Горбачев, но его речь нигде не была опубликована. Это наводило на мысль, что решение о сохранении статуса Нагорного Карабаха шло вразрез с выступлением Горбачева, т. е. что Горбачев не смог выполнить своего обещания, данного представителям армянской интеллигенции Сильве

Капутикян и Зорию Балаяну.

5 марта Сильва Капутикян направила открытое письмо С. С. Аверинцеву, В. В. Иванову, В. А. Каверину, М. А. Ульянову и всем честным деятелям науки, культуры, печати, которое не было опубликовано и которое попало на Запад по диссидентским каналам. В этом письме Капутикян пишет:

"23 марта 1988 года все мы, в Армении и в Нагорном Карабахе, не по отдельности, каждый в своем доме, а собравшись группой у кого-нибудь на квартире (у нас вот уже два месяца никто не может оставаться один в своем доме), затаив дыхание, ждали решения Президиума Верховного Совета в надежде услышать радостную весть. Я тоже была в доме одних моих знакомых. Когда диктор программы "Время" суровым голосом объявил решение Президиума оставить все как есть, и более того, когда верховные правители республики прокурорским тоном начали грозить пальцем и без того забившейся в угол и вдруг осмелившейся не покориться сиротке-Армении, нас всех облили холодной водой. После нескольких секунд оцепенения взорвались негодующие голоса. Более всех возмущалась молодежь. Дочь хозяйки дома, искусствовед по профессии, хрупкая девушка, почти дрожащим от возмущения голосом крикнула: "Если так, то я тоже найду оружие, я тоже научусь резать детей, видимо, с убийцами считаются больше, чем с нами". Ее перебил молодой человек: "Давайте обратимся к Турции, скажем, что мы каемся в своей приверженности к России, что мы впредь...", но кто-то не дал ему договорить: "Нет, этому не бывать, обратимся лучше к Канаде, Австралии, попросим выделить нам землю и всем народом переедем туда. Мы видим, что здесь нас хотят растоптать как нацию, до конца". Вы можете себе представить, уважаемые коллеги, что слова эти: "Да, переедем!..." — были мои, именно мои! Вот какие слова может заставить произнести минута безысходности, заставить восстать против себя самой, против своей сущности, против веков..."

Но вернемся к заседанию Президиума Верховного Совета и попытаемся разобраться в силах, которые столкнулись там при решении вопроса Нагорного Карабаха.

Общая обстановка вокруг этого вопроса в дни мирных демонстраций, петиций и официальных решений властей Нагорного Карабаха складывалась в пользу армян. Можно сказать, что все демократические силы страны склонялись к тому, что требования карабахцев справедливы, что отдельные области от Армении — одно из преступлений Сталина, которого все усиленно осуждают, и что положительное решение этого вопроса есть экзамен перестройки. На пред-

ставителей ЦК КПСС, прибывших в Ереван и Степанакерт, произвело огромное впечатление то единодушие, с которым буквально все армяне мира поддерживали идею воссоединения Карабаха с Арменией.

К требованиям армян присоединили свои голоса свободолюбивые круги Советского Союза, а 21 марта академик Сахаров направил письмо Горбачеву, просил удовлетворить требования армян.

В этих условиях присоединение Карабаха к Армении могло стать реальностью. Но вот появился первый и, пожалуй, главный противник такого исхода: азербайджанские националисты, которые благодаря Гейдару Алиеву находятся на всех командных постах в Азербайджане. Им нужно было срочно доказать, что удовлетворение требования армян чревато не менее серьезными последствиями, чем общенациональная демонстрация армян. В Сумгаите, Кировабаде, Баку, Евлахе, Степанакерте началась кровавая расправа с армянами, которая была явно спровоцирована руководством Азербайджана. Теперь, когда советская пресса стала больше писать о прошедших событиях, когда на Запад поступили видеозаписи об этих событиях, мы узнаем, что в местах кровавых событий городские власти бездействовали, что армянская милиция была обезоружена, что убийство двух азербайджанцев в Агдаме, о которых сообщило бакинское радио и с которых якобы начались кровавые события, было ложью, что вина за трагические события в Сумгаите лежит на первом секретаре Сумгаитского Горкома партии Д. М. Муслимзаде, что войска были введены в Сумгаит именно из-за бездействия местной милиции, что перед погромом в Евлахе азербайджанцы были заранее предупреждены и перед началом погромов покинули город. Далее к погромщикам присоединились азербайджанские ученые, которые с неменьшим озверением начали громить историю. Всеми допустимыми и недопустимыми способами они стали доказывать, что карабахские армяне — это принявшие христианство албанцы, а древние албанцы — это предки азербайджанцев, что шедевр армянской архитектуры 13 века храм Гандзасар и сотни других памятников Карабаха создали не армяне, а албанцы-азербайджанцы, что в Карабахе древние рукописи на армянском языке сохранились лишь потому, что они были переведены с албанского-азербайджанского, а подлинники уничтожены.

Столь бурное проявление азербайджанского национализма было на руку антидемократическим силам. И вот на сцене появился второй противник воссоединения Карабаха с Арменией: антигорбачевская коалиция. Известно, что во время пребывания Горбачева

в Югославии консервативные силы начали активную атаку против горбачевской перестройки. В карабахском вопросе это вылилось в открытую оппозицию Горбачеву. В Югославии Горбачев заявил, что волнения вокруг Нагорного Карабаха не имеют ни антисоциалистического, ни антисоветского характера, что речь идет о вопросах культурного и этнического характеров. Как будто назло Горбачеву 21 марта газета "Правда" публикует статью "Эмоции и разум", в которой требования армян называются антисоветскими и антисоциалистическими, а их мирные демонстрации называются "уличной демократией". Как по команде в советской прессе появляются многочисленные статьи о том, что события в Нагорном Карабахе спровоцированы зарубежными антисоветскими центрами и "радиоголосами".

Это был сигнал руководителям Советской Армении, которые твердо стоят на антиперестроечных позициях. Они приступили к разгону общественных комитетов, припугнули интеллигенцию и даже произвели аресты. Так же грубо обошлись азербайджанские власти с карабахскими демонстрантами, которые долго сопротивлялись, но в конце концов сдались.

Таким образом, антидемократические силы² пришли к заседанию Президиума Верховного Совета победителями и им удалось принять решение о сохранении статуса Нагорного Карабаха, а противники этого решения были названы антисоветчиками. Более того, Президиумы Верховных Советов Союзных Республик утвердили положение об уличных шествиях и демонстрациях, которые исключали повторение массовых демонстраций. Антидемократические силы настолько себя распустили, что первый секретарь ЦК КП Армении К. Демирчян на вопрос студентов: "Почему арестован Паруйр Айрикян?", публично ответил: "Его нужно было расстрелять".

В таком же духе выступили представители азербайджанской интеллигенции, обвиняя армян в том, что они, спекулируя понятиями "демократия" и "гласность", использовали лозунги, носящие провокационный характер. "Писатели, ученые, журналисты Армении, — пишет член-корреспондент А. Н. Азербайджанской ССР Худу Мамедов, — обращались к Западу за помощью. С каких это пор стало возможным жить в одной семье с братскими народами и вызывать о помощи к чужим?"

27 марта "Известия" опубликовали статью А. Гарибова, в которой он отмечает: "Если сейчас, забросив все дела по наведению порядка в экономике, мы займемся пересмотром существующего национально-территориального устройства, то даже застойные

годы покажутся нам эрой процветания". Весьма примечателен комментарий турецкой газеты "Уриет", которая по поводу решения Президиума Верховного Совета писала:

"Советские армяне, по сравнению с советскими азербайджанцами, с гораздо большей готовностью жертвовали собой во имя коммунизма. Однако Кремль, изучая события, происшедшие между армянами и азербайджанцами, учитывал не только вес азербайджанских турок, но и вес всех турок, а их в СССР 50 миллионов. Перед лицом этой огромной турецкой массы, какова бы ни была ценность армян в глазах КПСС, они в расчетах Кремля не будут иметь ценности турок"³.

Однако победа азербайджанской стороны, а с ней и антидемократических сил была не окончательной. Во-первых, армяне не унимались и твердо решили избавиться от азербайджанского управления и готовы были перейти под русское управление. Во-вторых, продолжался натиск на антиперестроечные силы, были сняты со своих постов первые секретари Центральных Комитетов Армении и Азербайджана. Затем Горбачев вызвал к себе двух новых секретарей Везирова и Арутюняна, после чего сразу же почувствовалось некоторое изменение тона советских газет в вопросе Карабаха.

О чем они говорили, неизвестно, но сразу же почувствовалось некоторое изменение тона советских газет и в вопросе Карабаха.

3 апреля "Московские Новости" опубликовали статью академика Сахарова "За спокойствие и мудрость", где было сказано:

"21 марта 1988 года я направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, в котором изложил свою точку зрения по двум острым национальным проблемам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией. Я призывал и призываю к решениям, основанным на спокойном и, по возможности, беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны.

24 марта опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом Постановлении не высказано отношение к решению областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха. Я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета и его Президиума.

Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайство областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджана и Верховном Совете Армении. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.

Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали новые преступления.

Андрей САХАРОВ,
академик”.

”Новое время” в 14-м номере за 1988 год опубликовало статью ”Закон о границах и границы законы”, где кандидат юридических наук Муксинов, комментируя события в Нагорном Карабахе, давал следующие разъяснения: ”Надо сказать, что территориальные изменения между советскими республиками происходили и могут происходить и впредь. Более того, бывали изменения, затрагивающие не просто республиканскую границу, но государственную границу СССР. Например, при ратификации соглашения с Ираном по урегулированию пограничных и финансовых споров в 1954 году на заседании Президиума Верховного Совета СССР министры иностранных дел Азербайджана и Туркмении подтвердили согласие своих республик на некоторые территориальные изменения своих границ, а тем самым и границы СССР с Ираном”.

2 апреля ”Правда” опубликовала статью ”Что же это было?”, где, в частности, сказано: ”А ряд однобоких газетных выступлений как центральной, так и местной печати вызвал лишь раздражение, подстегнул эмоции. Ведь надо было получше осмыслить происходящее, а уже потом давать оценку”.

26 апреля по центральному телевидению был показан фильм о событиях вокруг Нагорного Карабаха, который с некоторой натяжкой можно было считать проармянским, во всяком случае не антиармянским, какими были до этого статьи в центральной прессе.

Словом, тон средств массовой информации стал несколько более мягким и выжидательным, а между строк можно было прочесть, что карабахская проблема решена не окончательно.

12 марта заместитель председателя Совета Министров Армянской ССР В. М. Мовсисян признал, что из Сумгаита в Армению прибыли беженцы, число которых составляет 3000 человек. Сначала им была оказана помощь, но теперь эта помощь прекратилась, поскольку они не хотят возвращаться назад, а Москва требует именно возврата. Эти беженцы требуют своего рода политического убежища в Армении, но их уговаривают вернуться в Азербайджан. Для этих уговоров в Армению прибыли представители Азербайджана во главе с первым заместителем председателя Совета Министров Азербайджана М. С. Мамедовым. Однако, как признавался В. М. Мовсисян, беседы с выехавшими пока не дают резуль-

татов. По решению армянского правительства, беженцы должны платить по 5 рублей в день за свое содержание, что многим не под силу, и большая часть их переезжает в Краснодарский край.

Вместе с тем начались мероприятия, намеченные Президиумом Верховного Совета СССР. Для построения армянских школ в Карабахе выделено 4 миллиона рублей. С 29-го апреля программу армянского телевидения стали принимать жители Нагорного Карабаха, для чего в срочном порядке была построена ретрансляционная станция. Были даны обещания снять запрет с преподавания истории Армении. По поводу этих мероприятий Сильва Капутикян написала:

”Наверное, поставившие свои подписи под постановлением уважаемые товарищи М. С. Горбачев и Н. И. Рыжков удивлены, что людей Нагорного Карабаха не радуют весьма щедрые обещания этого постановления и они продолжают стоять на своем: требовании об отделении от Азербайджана.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы, уважаемые авторы статьи, напечатанной в ”Известиях”, увидели видеокadres, запечатлевшие события в Карабахе. В этих кадрах потрясение вызывают не автомашины и ларьки, вдребезги разнесенные азербайджанцами из сопредельного с Карабахом Агдамского района, и даже не душераздирающий вид избитых, покалеченных, забинтованных и загипсованных армян в больницах, а состояние собравшихся на квадратной площади Степанакерта. Человек, если в груди у него сердце, а не аппарат, свойственный ”аппаратчику”, не может без содрогания смотреть на этих людей, которые, точно попав в квадратную клетку, с разрывающимся сердцем бьются об решетки, непрерывно скандируя: ”Ар-ме-ни-я! Ар-ме-ни-я!”. Гордые, веками не покоренные, прославленные своей храбростью карабахцы, давшие стране четырех маршалов, 20 Героев Советского Союза, 44 тысячи бойцов Великой Отечественной войны, в наш век были доведены до этого состояния...

И вот им вместо Армении подают ”социально-экономические преобразования”, да и то поручив их внедрение разным министерствам и учреждениям Азербайджана. Карабахцам хорошо известна цена таких преобразований. Ведь уже который раз столь красивые на бумаге, сулящие райскую жизнь решения хитрыми руками таких ”внедрителей” давали обратный результат: служили средством для еще более интенсивной азербайджанизации области”.

О царящих сейчас в Армении настроениях Сильва Капутикян пишет:

”Так или иначе, на нас, мирно вышедших на улицы, был открыт расстрелявший нас морально огонь. И мы уже не народ 8-го, а

народ 10-го января, созревший за один день народ.

Я бы сказала, что нашему народу пойдет во благо такая зрелость. Нет, скорее, наоборот. Но она, эта горькая зрелость, заставит нас более трезво смотреть на действительность, опираться только на свои внутренние силы, на свою стойкость, не предаваться иллюзиям, не строить на песке дом своего будущего, заставит не верить слепо и не ослепнуть от веры, заставит зарубежных армян не служить после этого советским посольствам с такой отдачей и приверженностью, создавая вокруг них и вокруг Советского Союза постоянную атмосферу доброжелательности и симпатии, заставит не очень-то связывать свои надежды с Советским Союзом, с советской Арменией, особенно с окончательным решением армянского вопроса в связи с признанием геноцида и земельных претензий к Турции, заставит их действовать самостоятельно, напрячь свою мысль на поиски новых, более надежных путей сохранения нации.

Эта горькая зрелость, вызванная бесцеремонным жестким ответом на нашу открытость и доверчивость, многих из нас толкнет не только к душевному подполью, внутреннему отчаянию и отчуждению, внутренней эмиграции, но и катастрофически ускорит реальную эмиграцию за рубеж, в Америку. А те из нас, кто самым суровым образом осуждал оставляющих родину, никакими словами ныне не смогут остановить их³⁴.

Армянская киностудия отказалась принять участие в Бакинском кинофестивале и направила руководителям фестиваля следующее письмо:

(№ 17 — 22.4.88)

АС № 6191

Творческий и трудовой коллективы киностудии "Арменфильм". Письмо председателю Госкино СССР Александру Камшалову, 1-му секретарю Союза кинематографистов СССР Элему Климову о невозможности участвовать в 21-м Всесоюзном кинофестивале в Баку.

Ереван, 15.4.88.

Председателю Госкино тов. КАМШАЛОВУ

1-му секретарю Союза кинематографистов СССР КЛИМОВУ

Как и весь армянский народ, мы, работники киностудии "Арменфильм", глубоко потрясены и скорбим по поводу кровавых событий, происшедших в городе Сумгаите. Неогеноцид — так можно охарактеризовать лишение жизни безвинных людей, изнасилования и другие преступления, по которым все еще продолжается расследование. Виновные в этом должны быть разысканы, названы и наказаны. Тысячи армян — жертвы погромов — вынужденно перешли из Азербайджанской ССР в Армянскую. На фоне этих трагических событий совершенно немыслимо пребывание армянских кинематографистов на празднике

в городе Баку — на 21-м Всесоюзном кинофестивале. Мы считаем, что наше участие на кинофестивале в республике, где имели место погромы наших братьев и сестер, было бы кощунством и безнравственностью, неслыханным предательством по отношению ко всем безвинным жертвам вандализма и разбоя.

Мы всегда были и остаемся верными идеалам интернационализма, но по-человечески вы должны понять нашу скорбь и невозможность нашего участия на всесоюзном празднике.

Творческий и трудовой коллективы киностудии "Арменфильм"

Ереван, 15.4.88."

(Перепечатка с перепечатанной копии оригинала из АС.)

Такова была общая ситуация, когда на Армению обрушилось страшное землетрясение. Во время этого общенационального горя со всей очевидностью проявилась непримиримость армян и азербайджанцев. Десятки тысяч жертв землетрясения вызывали в Азербайджане ликование, и армянская пресса получала сотни поздравительных телеграмм и благодарностей Аллаху, который покарал неверных армян. И тем не менее в этой ситуации советское правительство приняло по Карабаху важное решение. Территориально оставаясь в составе Азербайджана, Нагорный Карабах временно передавался под управление специальной комиссии, что означало передачу управления областью центральным властям. Таким образом Азербайджан потерял власть над Карабахской областью, что для армян было положительным шагом. Но это решение было омрачено страшными преследованиями, которые обрушились на комитет "Карабах", все члены которого были арестованы. Зачем это нужно было советской власти? Почему Горбачев, так заботящийся о своей репутации демократа, поступил так недемократично? Достаточно отметить, что Сахаров публично заявил, что арест членов комитета "Карабах" зачеркнул все то, что Горбачевым было сделано до этого⁵. По поводу ареста членов комитета "Карабах" было высказано много предположений, но наиболее вероятным кажется то, что Горбачев этот арест обещал азербайджанцам как компенсацию за аресты в Азербайджане. В пользу этой версии говорит тот факт, что Игорь Мурадян был арестован в Ереване и неожиданно объявился в азербайджанской тюрьме. После этого прокурор Илюхин в "Бакинском Рабочем" выступил с наглой ложью о том, что Мурадян был арестован в Азербайджане. Кроме того, поступили сведения о буквально зверском обращении с армянскими политзаключенными в Азербайджане, что усиливает подозрение,

что армяне были даны в откуп азербайджанцам. В заключение хочу отметить, что специальная комиссия не справляется со своими обязанностями и в Нагорном Карабахе снова

накаляется обстановка. Видимо советская власть и вправду неспособна решить национальную проблему без реального осуществления права наций на самоопределение.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

¹ У палестинцев, по мнению ряда политологов, есть свое государство — Иордания, большинство населения которой составляют палестинские арабы.

² Мы считаем, что вся компартия антидемократична.

³ Турецкая газета (возможно, что сознательно) путает два этнических названия: турок и тюрков. Тюрки представляют собой широкую группу этнически родственных народов (как славяне, германские, романские народы и пр.). Азербайджанцы, действительно, считаются турками-азарами. Многие другие мусульманские нации СССР относятся к числу тюркских народностей, но не являются турками.

⁴ Армянам давно надо было бы перестать возлагать надежды на коммунистическое правительство СССР, как, впрочем, и всем народам, включая русский.

⁵ А когда и где Горбачев поступал демократично? Сахаров же продолжает пропаганду в пользу Горбачева.

Л. ЛЮИГ

ЭСТОНИЯ ПОД ЗНАКОМ ПЕРЕСТРОЙКИ И ГЛАСНОСТИ

Благодаря горбачевской так называемой перестройке и гласности и эстонцы стали поднимать свои голоса, требовать больше самостоятельности и свободы. Особенно ясно это можно видеть на Певчем поле, которое находится около Таллина, где несколько десятков тысяч — а иногда даже больше — тысяч эстонцев собираются и где они поют патриотические эстонские песни. Когда я летом 1988 г. была в Эстонии, мне говорили, что они хотят сбросить свое иго. Но на мой вопрос, что они подразумевают под словом иго, получала разные, отчасти противоречивые, но больше всего неясные ответы. Многие эстонцы верят в перестройку, именно, что коммунистическую систему можно перестроить, т. е. реформировать. Сторонники этого мнения организуются в так называемом Народном фронте. Стать членом Народного фронта может, очевидно, каждый, но он так организован, что коммунисты в нем имеют большинство голосов. Но главное — по мнению эстонцев — то, что в Народном фронте царит эстонский, а не русский дух. Они убеждены, что эстонский коммунист, конечно, лучше русского и что вся беда не в коммунистической системе, а в том, что Москва управляет Эстонией и эстонцы сами свои дела решать не могут.

По улицам Таллина эстонцы гордо несли свой национальный флаг. Они демонстрировали за освобождение трех политических осужденных, держа флаг в руках. Раньше это было бы невозможно. Такая картина и ей подобные являются результатом гласности. И в печати и по телевидению тоже проявляется гласность. В газетах открыто

критикуют жизнь в Советском Союзе. По телевидению особенно интересны передачи "Телемоста" и "Пятого кольца" Ленинградской студии. В июле 1988 г. передавали по "Телемосту" дискуссию на тему "Находится ли советское общество в нравственном кризисе?". В этой передаче принимали участие представители разных организаций из Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии, даже представитель лютеранской церкви в ней участвовал. Все единодушно ответили, что нравственный кризис в разгаре и причиной этого кризиса является несвобода. Все подтвердили, что они выросли в атмосфере лицемерия и что Рейген прав, когда он сказал, что Советский Союз является империей зла. В Советском Союзе отсутствовали элементарные демократические права. Например, свобода слова была только словом. На вопрос, как выйти из этого кризиса, ответы были поосторожнее и не очень точные: нужна смелость, чтобы познать все зло, надо преодолеть страх, человек должен быть хозяином земли, тогда не будет других проблем, нужно вернуть собственность, надо вернуться к старым идеалам, к корням своей культуры.

Такая передача и подобные ей характерны для гласности. О коммунистической системе прямо ни слова — а всего лишь намеки на то, что марксизм чужд российским людям, ибо что обозначают слова "надо вернуться к корням своей культуры"? Другими словами, отбросить идеологию марксизма, т. к. марксизм не является ни восточноевропейской, ни русской идеей, это западноевропейская идея, перенятая Лениным и другими

социал-демократами, принесенная в Россию, утвердившаяся насилием и террором удерживаемая.

Не только в РСФСР имеется общество охраны памятников, но тоже в Эстонской ССР, где председателем этого общества является Тривими Веллисте. Это общество неоднократно обращалось к Верховному совету Эстонской союзной республики с просьбой составить список всех погибших в тюрьмах в 1940-41 гг. (от Красной армии), а также при страшных арестах 1949 г. и опубликовать эти списки в виде книги при содействии всего эстонского народа. Благодаря этому обществу и совету по делам культуры Эстонии Верховный совет Эстонской республики в декабре 1988 г. объявил эстонский язык официальным языком ЭССР, однако отложил рассмотрение резолюции, требующей, чтобы этот язык выучили сотни тысяч русских, которые проживают в Эстонии. Против этого постановления сразу продемонстрировал Интернациональный фронт, который объединяет главным образом неэстонцев, но и убежденные коммунисты-эстонцы считают себя членами этого фронта. Он образовался почти одновременно с Народным фронтом как противовес последнему. Между этими фронтами уже происходили столкновения, о которых в печати, однако, мало упоминается. 16 ноября 1988 г. Верховный совет Эстонии принял резолюцию, провозглашающую суверенитет республики во всех внутренних делах, но Президиум Верховного совета СССР, председателем которого является Горбачев, объявил эту декларацию вскоре незаконной, и Верховный совет ЭССР, не желая или не будучи в силах сопротивляться, отложил дискуссию по поводу этой резолюции, которая признала бы недействительными на территории республики два недавних московских указа, ограничивающих право на демонстрации. Значит, эти указы остались в действии.

По поводу этой резолюции один эстонец, по-моему, верно заметил, что Горбачев, будучи лидером СССР, не мог по-иному поступить.

В декабре 1988 г. Верховным советом было тоже принято решение о прекращении строительства любых промышленных и горнодобывающих предприятий на северо-востоке республики, где загрязнение среды приняло угрожающие размеры. Эта резолюция, которая была принята единогласно, может вызвать конфликт с московскими властями, хотя Михаил Горбачев в своих выступлениях ратует за расширение полномочий союзных республик.

Добыча фосфоритов и сланцев на северо-востоке Эстонии, а также сжигание горючих сланцев находящимися в республике тепло-

электростанциями нанесли ее окружающей среде колоссальный ущерб. Так, например, содержание фенола в окрестных реках превышает допустимые пределы в несколько тысяч раз. Кроме того, эстонский Верховный совет поручил Совету министров разработать к 1 ноября 1989 г. детальный перечень мер по спасению окружающей среды в республике. Так как таллинская бумажная фабрика, электростанция в Виру и Маардуский химический завод находятся в ведении всесоюзных министерств, может назреть конфликт между Эстонией и Москвой. Депутат Верховного Совета республики Эндель Липпмаа сказал, что эстонские власти годами безуспешно пытались добиться от московских бюрократов принятия мер по борьбе с загрязнением среды, производившимся этими предприятиями.

Надо надеяться, что в этом вопросе эстонцы получают поддержку в Москве, т. к. по вопросу загрязнения среды советы скорее всего готовы на сотрудничество. Леонид Абалкин, директор Экономического института при Академии наук в Москве, уже, например, выступил против принципа централизации в хозяйственном отношении. Председатель Президиума Верховного совета Латвийской ССР, Анатолий Горбунов, тоже высказался за то, чтобы республикам было предоставлено право самостоятельно бороться с загрязняющими среду предприятиями, находящимися в подчинении московских министерств.

После трехдневных сессий Верховного совета СССР, происходивших в конце ноября прошлого года, где обсуждались изменения, внесенные в конституцию Советского Союза, вызвавшие резкие возражения в Прибалтике и Грузии, ибо по их мнению они концентрируют слишком большую власть в руках Москвы, выступил на пресс-конференции главный советский идеолог, член Политбюро Вадим Медведев и заметил, что Верховный совет Эстонии поступил "эмоционально", принимая поправки к республиканской конституции и "декларацию о суверенитете", которые оставляли бы за Москвой лишь военные и внешнеполитические функции и предоставляли бы республике право вето на решения центральных властей. По эстонским источникам, большинство участников пленума ЦК КПСС, который одобрил текст изменений к советской конституции, обрушилось на Эстонию с резкими нападками, заклеив ее за декларацию о суверенитете, принятую 16 ноября (см. выше). Глава эстонской компартии Вайно Вяляс, между прочим, бывший советский посол в Никарагуа, выступил с пятнадцатиминутной речью, в которой попытался оправдать позиции Эстонии, но, конечно, безуспешно. Даже

Горбачев выступил по этому поводу по центральному телевидению и отчитал Эстонскую республику за ее строптивость, грозил пальцем и стучал по столу. И, когда в январе этого года в Советском Союзе состоялись дни "немецкого театра" и около 700 артистов и режиссеров из Западной Германии ездили с выступлениями по Советскому Союзу, Таллин был вычеркнут из их программы. Чем кончится этот патриотический подъем Прибалтики, остается открытым вопросом.

Именно патриотический или национальный, но вряд ли антикоммунистический. Все с кем я говорила и кто являлись сторонниками перестройки и в нее верили, верили одновременно и в социализм с человеческим лицом, а те, которые скептически относились к перестройке, большей частью, коммунистами-социалистами не являлись и никаких перспектив в будущем не видели. Один эстонец мне сказал: "Если ты живешь в одном пруду с крокодилом, у тебя три возможности: первая — убить крокодила; вторая — вести себя спокойно и осторожно, сторонясь крокодила, и третья — стать самому крокодилом. Вот, в таком положении мы находимся".

По словам Горбачева, надо перестроить социалистический режим, т. е. улучшить, а не упразднить его. И в этом вся беда. Марксизм-ленинизм ничем улучшить нельзя, руководствуясь теорией Маркса, не сделать государственной системы, которая соответ-

ствовала бы людским нуждам, и из Ленина, этого кровавого, лицемерного бандита, организатора концентрационных лагерей, красного террора и царевубийцы, благодетеля не получится. Горбачев заявил, что, если в процессе реформ не удастся укрепить советы, перестройка обречена на провал. Могу прибавить, что перестройка обречена на провал, если не удастся скинуть марксизм-ленинизм. Конечно, это легко сказать, но трудно сделать так, чтобы при этом не пошатнулась Россия.

А эстонцам, которые думают, что проблема состоит в национальном вопросе, что эстонский коммунист лучше русского, могу указать на Германскую Демократическую Республику, где уже с 1945 г. существует Народный фронт и где и слушать о перестройке не хотят; на Югославию, которая шла своим путем к социализму-коммунизму и дошла до нуля; на Венгрию, которая осуществляла так называемый гуляш-коммунизм и сегодня стоит перед государственным банкротством; на Румынию, которая все время оппонировала Москве и подчеркивала свою самостоятельность и независимость от Москвы и где людям живется хуже всего, где люди мерзнут и голодают.

Проблема не в национальном вопросе, а в системе. Поскольку система остается коммунистической, никакая перестройка не удастся — после семидесятилетнего опыта пора это понять.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

Падение личного достоинства господствующего класса означает полное лишение этого достоинства и эксплуатируемых. Грубое нарушение интересов господствующей социальной группы может пагубно влиять на все общество.

"Знание — сила", №12/88.

*Скользка и оступчива наша тропа
Средь мизерных радостей нового нэпа.
Любая мечта наша сроду глупа,
Насильственна вольность и новость нелепа.*

Нонна Слепакова, "Новый мир", №7/88.

1. Изменения в конституции

1 декабря на сессии Верховного совета были приняты изменения конституции. Увеличение власти Горбачева, который должен быть избран в апреле председателем Верховного совета, не столь велико, как предполагалось ранее*. Согласно конституции, председа-

тель Верховного совета осуществляет общее руководство подготовкой вопросов, подлежащих рассмотрению, подписывает законы, представляет доклады, предлагает кандидатуры председателя совета министров, председателя Верховного суда, Комитета конституционного надзора и других, возглавляет Совет обороны, ведет международные переговоры и издает распоряжения. Только последнее представляет собой самостоятельные полномочия, во всем остальном предложения подлежат утверждению соответствующей коллегией. Это означа-

*Мы не совсем согласны с автором. В соединении с положением генсека власть Горбачева будет очень большой. (В. Пирожкова).

ет, что реальная власть остается за политбюро и ЦК партии. Председатель Верховного совета подотчетен съезду депутатов и Верховному совету, он ограничен президиумом Верховного совета и может быть в любое время путем тайного голосования отозван съездом депутатов. Заседания съезда проводятся один раз в год, но внеочередное заседание может быть созвано президиумом Верховного совета. Таким образом, ЦК может, как и раньше, снять генсека в любое время, но, чтобы оформить освобождение его от должности председателя Верховного совета, требуется несколько дней для созыва съезда.

Совет министров не подчинен председателю Верховного совета, а ответствен перед съездом депутатов и Верховным советом и им подотчетен. Председателя совета министров назначает Верховный совет и утверждает затем съезд депутатов, а состав совета министров утверждает Верховный совет по представлению председателя совета министров.

Комитет конституционного надзора может приостановить и потребовать отмены любого акта, противоречащего конституции или законам, однако не предусмотрено право граждан обращаться с жалобами в этот комитет. При отсутствии свободно избранного парламента граждане остаются беспомощными перед нарушениями конституции и законов властями.

Законом о выборах предусмотрено избрание депутатов не только по территориальным округам, но и от общественных организаций, в том числе от компартии — 100 депутатов, от профсоюзов — 100 депутатов, от колхозов и кооперативов — 100 депутатов, от комсомола — 75 депутатов, от комитетов советских женщин — 75 депутатов, от советов ветеранов войны и труда — 75 депутатов, от объединений научных работников — 75 депутатов, от творческих союзов (писателей, художников и других) — 75 депутатов, от иных, созданных в установленном порядке и имеющих общесоюзные органы общественных организаций — 75 депутатов.

Как и следовало ожидать, пленум ЦК 10 января 1989 г. установил, что руководство ЦК будет избираться от компартии, в связи с чем предполагаемый "плюрализм" кандидатов в депутаты по округам будет относиться лишь к статистам. Однако эта привилегия не относится, по решению пленума, к членам и кандидатам в члены политбюро, "работающим на местах". Таким образом, Щербицкий (Украина), Воротников (РСФСР), Зайков (Москва), Соловьев (Ленинград), Власов (РСФСР) должны будут баллотироваться по округам. Вероятно, в этих округах, а также в тех, где будут выдвинуты секретари ЦК республик и обкомов, будет только по одному кандидату.

С другой стороны, неформальные "организации, как не оформленные в установленном порядке и не имеющие общесоюзных органов, прав на представительство не получают.

Кандидатов по округам выдвигают собрания трудовых коллективов или собрания избирателей по месту жительства, в числе не менее 500, созданные соответствующими Советами. Кандидаты должны работать или проживать на территории соответствующего округа. Для вторичного обсуждения кандидатов и отсева нежелательных кандидатур может быть созвано окружное собрание, на котором не менее половины участников должны составлять избиратели данного избирательного округа.

Избирательные ящики устанавливаются таким образом, чтобы голосующие при подходе к ним обязательно проходили через кабины для тайного голосования, при этом избиратель вычеркивает фамилии кандидатов, против которых он голосует. Однако в законе опущено имевшееся в проекте, опубликованном ранее, правило, что если в бюллетень включен только один кандидат, избиратель оставляет одно из двух слов "за" или "против", другое вычеркивает. Избранным считается кандидат, получивший больше половины голосов избирателей, принявших участие в выборах.

7 декабря ушел в отставку начальник генштаба маршал Ахромеев — "по состоянию здоровья", но предполагают, что из-за разногласий с Горбачевым по поводу сокращения вооружений. Буквально накануне, на пленуме ЦК 28 ноября, Ахромеев был избран членом международно-политической комиссии ЦК. 15 декабря начальником генштаба назначен генерал М. Моисеев, который ранее был начальником штаба Дальневосточного округа, когда командующим войсками там был нынешний министр обороны генерал Язов.

Террор против номенклатуры усиливается. 26 октября арестованы бывший первый секретарь Узбекистана Усманходжаев, снятый в январе ("Голос зарубежья" №48), бывший председатель Верховного совета Узбекистана Салимов и бывший первый секретарь Бухарского обкома Джаббаров. Беспрецедентно, что они были членами ЦК, из которого были исключены только на пленуме 28 ноября. До сих пор только Сталин решался на подобные нарушения привилегий членов ЦК. 30 декабря зять Брежнева, бывший заместитель министра внутренних дел Чурбанов приговорен за взятки к 12 годам заключения в лагерях.

Московский неофициальный журнал "Гласность" печатает интервью с Б. Ельциным, который, в частности, сказал о перестановках на сентябрьском пленуме ЦК ("Голос зарубежья" №51), где, среди прочих, Яковлев

был снят с идеологии и переброшен на международные отношения, а на идеологию назначен Медведев: "Яковлев — один из умнейших людей, как идеолог гораздо сильнее Медведева" (Р.М. 6.1.89). На указанном пленуме все секретари ЦК, кроме одного, были включены в состав политбюро, что тоже беспрецедентно. В связи с этим Б. Ельцин сообщил, что "сейчас третий месяц заседания секретариата не проводятся" (там же), что подтверждает полный подрыв влияния Лигачева, который ранее руководил заседаниями секретариата.

2. Правовое государство

Псевдоизменения в конституции не имеют никакого отношения к обещанному правовому государству. Однако появилась возможность публиковать статьи по истории государственного права, на мой взгляд — совершенно немарксистские, но действительно описывающие правовое государство. Приводим отрывки из замечательной статьи А. Миграняна в последнем номере одного из московских журналов.

"Чем выше степень защищенности индивидуальной и общественной сфер жизни от жесткой регламентации со стороны государства, тем эффективнее развитие общества. Пример Великобритании, где гражданское общество боролось с короной начиная с 12 века и в конце концов подчинило ее окончательно в 17 веке (подчинило, конечно, не обществу, а парламенту. Е. К), и более чем двухсотлетняя история США подтверждает этот вывод. Из-за недостаточной развитости гражданского общества в России и Германии военные поражения в первой мировой войне привели в этих странах к краху государственных систем. Несмотря на становление в последние десятилетия буржуазно-демократических институтов в Западной Германии, ФРГ, по мнению известного на Западе социального философа Р. Дарендорфа, больше Великобритании подвержена опасности радикальных изменений в кризисных ситуациях.

Анализ опыта Парижской коммуны, проведенный Марксом, оказал скорее негативную услугу тем, кто должен был перенести общие положения марксизма в плоскость их практического воплощения. Именно эту ситуацию имел в виду Ленин, отметив, что в Коммуне "представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет".

Поэтому нет ничего удивительного, что был отброшен, как ненужный, тысячелетний опыт создания механизма для улучшения

эффективности власти, предотвращения сосредоточения власти в одних руках, обеспечения прав и свобод индивида. При организации политической власти в нашей стране, увы, мы пошли по пути Парижской коммуны, признав конкретный опыт, появившийся в экстремальных условиях, универсальным и пытаясь распространить его на всю нашу страну.

Законодательная власть потеряла те свои постоянные функции и полномочия, которые формировались в течение многих столетий — сначала в недрах сословных монархий, а затем в политических системах представительных демократий на Западе.

Любая власть, по известному выражению лорда Эктона, развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. На деле реализовалось то, о чем со страхом писал в 19 веке французский политолог Токвиль: в обществе все оказались одинаково равны и равным образом беспомощны перед государственной властью.

При принятии любого решения большинством голосов всегда есть меньшинство, не согласное с ним. Обеспечение этому меньшинству права на критику и доведение его контраргументов до сведения общественности — необходимое условие нормального функционирования социалистического общества. Такое отношение большинства к меньшинству, закрепленное в законе, должно быть гарантом и позволит принять новое политическое решение в соответствии с мнением нового большинства.

Мы хотим вернуться в сфере государственного строительства на путь магистрального развития человечества. Мы хотим опереться на тот опыт, от которого в пылу революционного энтузиазма и в силу ряда объективных условий столь категорически отказались в начальный период строительства нашей политической системы". ("Знание — сила" № 12/88).

Мы уже дважды обращали внимание читателей на закон от 30 июня 1987 г. о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан ("Голос зарубежья" №№ 46 и 47). Как ни странно, до последнего времени только мы обратили внимание на этот закон, если не считать поверхностной отписки (к нашему удивлению!) известного адвоката Д. Каминской ("Внутренние противоречия" № 20). Недавно откликнулся "Посев" вполне солидной статьей, к сожалению, перегруженной рассуждениями общего характера ("Посев" № 5, 1988).

На днях, наконец, "Русская мысль" напечатала письмо генерального директора Международной Хельсинской федерации прав человека Джеральда Наглера, в котором он

совершенно правильно пишет: "Мы хотели попытаться направить усилия граждан на использование этого закона и собрать свидетельства о всех безрезультатных попытках такого рода. Если у нас не будет конкретных доказательств, мы не сможем обоснованно утверждать, что новые законы неэффективны". (Р. М. 6.1.89).

В Москве общественность тоже обратила внимание на этот закон. В замечательной статье доктора юридических наук Игоря Грязина "Правовое государство" (которую мы не можем здесь разбирать подробно) немало говорится об этом законе и в частности следующее: "Именно этот закон является главной опорой, зацепкой, позволяющей начать сдвигать нашу государственность на ее истинно правовую основу. И вот, оказывается, если руководство какого-нибудь органа коллегияльное, его решение обжаловать нельзя. Вот это лазейка!" ("Новый мир", № 8, 1988, с. 268).

К сожалению, ни И. Грязин, ни Д. Наглер, ни "Посев" (не говоря уже о Д. Каминской) не упомянули, что этот закон был изменен указом от 7 января 1988 г., который был утвержден на сессии Верховного совета 26 мая 1988 г., и не рассказали о сущности этих изменений. Мы со своей стороны лишены возможности это сделать, так как указ в газетах не опубликован, но у вышеупомянутых авторов есть свободный доступ к специальным изданиям.

3. Экономика

Академик Абалкин, директор института экономики АН СССР, решил признать, что перестройка осуществляется традиционными большевистскими методами разрушения: "Сегодня наша реформа в экономике натолкнулась на серьезнейшее сопротивление со стороны традиционной системы ценностей, структуры потребностей и связанными с ними мотивами трудовой деятельности. Мы вынуждены часто насильственными, административными методами навязывать новые формы хозяйствования. Не расшатав, не сломав сложившиеся стереотипы и структуры потребления, не создав новой системы ценностей и ориентиров, не развив потребностей человека, мы не сможем успешно решать проблемы экономической реформы" (ЭГ № 45, 1988, с. 11).

Теперь уже имеется множество фактов, как абалковщина разрушает экономику. Начнем с сельского хозяйства. В статье "Семь раз отмерь" прямо указывается, что "аренда не даст нужного эффекта, если подходить к ее организации на селе по методу коллективизации в конце двадцатых — начале тридцатых годов" (ЭГ № 1, 1989, с. 11). Как

замечает комитет цен, низкую себестоимость арендаторы считают "по-своему" — в нее включаются лишь денежные расходы на приобретение материалов (кормов), а собственная заработная плата (иногда и амортизация) не учитывается" (ЭГ № 43, 1989, с. 5). Не учитывается и стоимость управления ("помощи"). "Согласно договору колхоз выделяет корма, оказывает ветеринарную помощь. Ничего лишнего они не требуют. Летом берут в колхозе лошадь. Малогабаритной техники поступает мизерное количество. Да и цена ее многим арендаторам не по карману. Даже обыкновенный сепаратор молока приобрести трудно. Правда, правление колхоза, профком по мере возможности поддерживают. Провели асфальтированную дорогу к ферме, передали раздатчик кормов, выделили легковую автомашину "Нива". Путевки в дома отдыха и санатории вне очереди предоставляют" (ЭГ № 2, 1989, с. 5).

Неправильный учет труда обслуживания и управления для этой новой стахановщины уже ведет, как сказали бы в 30-е годы, к "вредительству": "Пожар, случившийся на ферме, пос. Золочев, Харьковской обл.) в прошлом году. Один из завистников поджег трактор и ферму. Лишь по счастливой случайности пожар удалось потушить в зародыше. Трактор восстановили, а вот коров пришлось заменить" (ЭГ № 2, 1989, с. 5). И вот уже управляют сельхозарендой не только колхоз и райком, но и милиция: "Тревожная, недобрая весть в одночасье облетела все дворы села Буруновки Башкирской АССР. То, что увидел на своем поле руководитель арендного звена, потрясает: колеса машин на резиновом ходу — культиваторов, сеялок — изрублены, техника выведена из строя. Тридцать колес, которые уже не подлежали ремонту. В соседнем звене тоже порубили шестнадцать колес на сеяках и культиваторах, испортили шланги на тележках. Диким, жестоким актом выразили свое отношение к новому делу на селе противники арендного подряда. Кто они? На этот вопрос еще предстоит ответить следствию. Видимо, злоумышленниками руководила зависть" (ЭГ № 43, 1988, с. 15). Итак, раньше были подкулачники, теперь — завистники.

Протестуют — страшно сказать! — райкомы: "В Меловском районе Ворошиловградской области чрезвычайный случай: первый секретарь райкома партии отказался от партбилета. Он собрал почти всех членов райкома и в краткой речи обвинил обком... В ответ он бросил партбилет на стол. Собравшиеся были шокированы. Сидевшие рядом пытались вложить ему билет обратно в карман, призывали одуматься, но он его оставил и... исчез. И из райкома, и из района. По прошествии десяти дней пленум райкома принял решение:

от должности первого секретаря освободить, из членов райкома вывести, из партии исключить. Минула еще неделя — исключение заменили строгим выговором с занесением в учетную карточку, учитывая просьбу, раскаяние, извинения и т.д. Что же стоит за всем этим? ...Все фермы на арендном подряде. Как это может быть, если кормов не хватает? Как можно взять в аренду, скажем, откорм свиней, если нет возможности обеспечить должный рацион?.. Да, это правда, с кормами трудно... Он ведь что предлагал? Агитирует за арендный подряд, да за такой, чтобы и в урожайный, и в неурожайный годы зарплата была высокой..." (ЭГ №48, 1988, с. 12). Похоже, что аналогичными были идеи известного И. Худенко, погибшего в тюрьме: "Худенко всегда говорил (и писал в различные инстанции), что 250 рублей в месяц — это та сумма, которая необходима человеку, чтобы он жил и процветал". И если их ему платить, он будет делать чудеса. Притом платить надо вперед. Так он и делал... Худенко был арестован через два года после окончания эксперимента и не за эксперимент, а за самый прозаический и примитивный подлог, попытку хищения пятидесяти одной с лишним тысячи рублей... Прокуратура СССР проверила уголовное дело по обвинению Худенко и его двоих "сподвижников" и пришла к выводу, что осуждены они обоснованно и повода для опротестования приговора не имеется... Худенко делал ставку на уравниловку в самом примитивном ее варианте. Сейчас найдена форма, которая не позволит получать незаработанные деньги, — арендные отношения" (ЭГ №2, 1989, с. 11).

Известно, что колхозы убыточны. Западные фермы не убыточны, но им дают дотации для поддержания уровня жизни и сохранения сельского хозяйства. Дотации дают за счет налогов на другие отрасли хозяйства. Но абалковщина желает возложить дефицит на самих колхозников и даже содержать за их счет арендные кооперативы. "За девять месяцев 1988 года предприятиями агропрома допущен перерасход фонда зарплаты на сумму 59,7 млрд. руб., что составляет 13,9% к их фонду зарплаты. Полностью "проели" оборотные средства и имеют неликвидный баланс на общую сумму около 22 млрд. руб. почти 12 тысяч колхозов, свыше 5 тысяч совхозов и одна тысяча промышленных предприятий" (ЭГ №52, 1988, с. 11).

Сейчас разрешено горожанам покупать пустующие дома в деревне. При условии "заключать договоры на выращивание сельхозпродукции и продажу ее излишков и участие в полевых работах колхоза, совхоза" (ЭГ №42, 1988, с. 9). Это, разумеется, кроме основной работы в городе 5 дней в неделю (в лучшем случае) и кроме времени на

переезд. Сама "Экономическая газета" спрашивает: "По силам ли это всем без исключения горожанам?" (там же).

Проясняется план хозяйственной реформы. Бессмысленный "Закон о предприятии" и две модели самофинансирования предприятий молчаливо отставлены в сторону. Курс взят на массовое сокращение штатов, с тем чтобы заставить людей брать предприятия в аренду или вступать в кооперативы на драконовских условиях — ненормированном рабочем дне и покупке акций предприятий.

"Численность рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства, за 9 месяцев текущего года сократилась более чем на 1 миллион человек по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, в том числе в промышленности — на 600 тысяч, в сельском хозяйстве и на транспорте — по 200 тысяч" (ЭГ №45, 1988, с. 9). В сообщении Госкомстата эти данные уточняются: "По данным учета на 1 июля 1988 г. в результате введения новых условий оплаты труда было высвобождено 2,3 миллиона человек. Из числа высвобожденных более 800 тысяч человек трудоустроены по месту работы. Уволено 1,2 миллиона человек, из которых 30 процентов ушли на пенсию. Сокращено более 300 тысяч вакантных рабочих мест (должностей)" (ЭГ №47, 1988, с. 19).

А вот как работает уральский кооператив "Ускорение" (г. Нижний Тагил): "При организации кооператива в кредит не взяли на копейки. Первые три месяца монтировали дробильно-сортировочную установку. Пока шел монтаж, готовую продукцию не выдавали, соответственно не получали и зарплату. Держались за счет вступительных взносов — 200 рублей с человека. Возражений, неудовольствий никто не высказывал. Склочки тут не нужны! Месячный испытательный срок для каждого кандидата — не формальность. Производительность труда кооператоров втрое выше, чем на дробильно-сортировочной установке, оставшейся в распоряжении комбината. Обе они одинаковы. Но на комбинатовской установке трудятся 74 человека, а на кооперативной — 27. В кооперативе рабочий день продолжается 12 часов. У дневной смены один выходной в неделю, у ночной — два" (ЭГ №52, 1988, с. 14). Действительно, если рабочая неделя — 72 часа (6 дней по 12 часов) против 41 часа по государственному закону, то и работают там в 2,5 раза меньше людей. "Правовое государство" начинается с того, что законы о труде не распространяются на кооперативы и аренду (вещь на Западе неслыханная). Впрочем, обещают и коммунизм, то есть, прошу прощения, светлое будущее: "Бригады перейдут на пятидневку, рабочий день предполаг-

ется постепенно сокращать и довести до восьмичасового. Но без снижения производительности труда" (там же).

Приведем некоторые сообщения об акциях. "Пайщиками государственного акционерного треста "Чимкентпромстрой" стали все его работники. В развитие треста они вложили около 800 тысяч рублей. И акционерный капитал постоянно растет — строители приобретают акции ежедневно. Трест гарантировал им дивиденды в размере 5 процентов ежегодно" (ЭГ № 45, 1988, с. 6). Сколько может быть работников в тресте? Если 1000, то каждого из них заставили внести по 800 рублей за право работы. Вот другое сообщение из г. Александрии, Кировоградской обл. (В этом городе я жил 6 лет. Хороший маленький город, но в нем мало работы. Уволят — пропадешь.) "Первую акцию куплю я сам! — сказал директор на одном из общих собраний коллектива. С первого квартала 1989 г. Александрийский электромеханический завод начнет реализовывать акции — за это проголосовало 95 процентов всех работающих на предприятии. Всего будет реализовано акций на 2,5 млн. рублей. Трудовой коллектив цеха, отдела, службы за отдельные грубые нарушения трудовой, производственной дисциплины и общественного порядка имеет право полностью лишить акционера права начисления процентов на его счет на период действия дисциплинарного взыскания" (ЭГ № 46, 1988, с. 9).

15 октября совет министров утвердил положение об акциях (ЭГ № 45, 1988, с. 23). В соответствии с ним выплата доходов по акциям производится за счет средств фонда материального поощрения (фонда оплаты труда). В 13 статьях постановления нет ни слова о порядке продажи акций работниками, если они не желают больше их иметь. Можно предположить, что акции — это те же сталинские займы, только на большие суммы и на худших условиях. Во всяком случае, государство не отвечает за акции в случае разорения предприятия или кооператива.

Вот еще несколько разных сообщений о последствиях хозяйственной реформы. "В первом полугодии 1988 года органы Госгортехнадзора 210 тысяч (!) раз останавливали различные производства из-за нарушений техники безопасности. Почти 46 тысяч человек, допустивших грубые и неоднократные нарушения техники безопасности, уплатили штрафы. На 1,5 тысячи ИТР материалы переданы в прокуратуру, почти 9 тысяч человек освобождены или понижены в должности. Словом, обстановку сохраняется напряженной, а уровень травматизма — высоким. Достаточно сказать, что за 9 месяцев этого года смертельный травматизм увеличился на предприятиях шести министерств, в том числе мин-

химпрома — на 33%, миннефтехимпрома — на 11%, минудобрений — на 16%, мингазпрома — на 25%. В последнее время отчетливо проявляется тревожная тенденция — групповое травмирование. В прошлом году в целом по народному хозяйству произошло около тысячи таких случаев. Тщательный анализ этой ситуации показывает: происходит массовое снижение внимания к вопросам техники безопасности. Рядом работающие не останавливают нарушителей технологической и производственной дисциплины, чего, казалось бы, не должно происходить при все более широком распространении коллективных форм организации труда и коллективной ответственности. За 6 месяцев текущего года правила техники безопасности были нарушены 2,8 миллиона раз" (ЭГ № 47, 1988, с. 24).

В связи с новыми правилами банковских операций появились массовые задержки выплаты зарплаты. Так, по Полтавской области "задержки в расчетах с рабочими, служащими и колхозниками были допущены 4865 (!) раз на общую сумму более 202 миллионов рублей" (ЭГ № 50, 1988, с. 10).

О положении с выборами директоров предприятий можно судить по следующему сообщению: "Горком партии на выборах занял твердую позицию, и верх взяли не те, кому хорошо жилось при "сердечном хозяине". По нашей рекомендации, при поддержке передовых рабочих, ИТР и служащих, директором избран инженер со стороны, и по всему видно, что мы не ошиблись" (ЭГ № 42, 1988, с. 11).

О режиме рабочего времени: "Особый разговор о работе в выходные и праздничные дни. Стала она для горняков сущим наказанием, ибо давно уже из исключения превратилась в правило" (ЭГ № 50, 1988, с. 8).

Как мы уже сообщали, аппарат министерств сокращен на 40%. И вот что из этого получается: "Ликвидировав Союзглавметалл и передав его функции территориальным органам, Госснаб не сумел толком наладить их работу. Терорганы потеряли контроль над ходом договорной кампании, в результате предприятия минчермета оказались в выигрышном положении и сформировали программу так, как им было удобно. А машиностроителям пришлось туго. Месяцы потрачены на заключение договоров, тысячи рублей израсходованы на бесконечные командировки с целью утрясти, согласовать, увязать. К сожалению, зря. Десятки предприятий так и не знают, какой металл они получат в будущем году. Разработанная схема распределения фондов и лимитов на металлопродукцию оказалась недостаточно продуманной, не смогла заменить ранее существовавшую и второпях разрушенную систему" (ЭГ № 52,

1988, с. 3).

Даже Госкомитет цен возмутился демагогией газетчиков о раздутых штатах: "В качестве одного из резервов довольно часто муссируется тот факт, что управленческий аппарат у нас составляет 18 миллионов человек с заработной платой 40 миллиардов рублей. Однако никто не удосужился написать, что эта цифра предствлена не чиновниками, сидящими в министерствах и ведомствах, а в основном управленческим персоналом предприятий и организаций. Здесь и директора, и управление, и мастера, и инженерно-технические работники. Надо иметь в виду и другое — хозяйственная самостоятельность предприятий потребует усилить коммерческие службы". Следует добавить только одно — байку о 18 миллионах бюрократов пустил сам Горбачев в речи в Мурманске 1 октября 1987 года.

Главным и основным злом системы самофинансирования (абалковщины) является фактическая ликвидация контроля над ценами, введение договорных цен. Вот сведения из статьи с характерным заглавием "Ускорение или бег на месте? Космический взлет цены" о работе всего строительного комплекса страны: "Новые прогрессивные формы организации труда и производства — коллективный, бригадный и арендный подряд, хозяйственный расчет, получившие сейчас широкое распространение в строительстве, — по существу, не оказывают решающего воздействия на конечные результаты. Особое место в проблеме ценообразования занимают договорные цены. Это нововведение не сопровождалось разработкой условий, которые выполняли бы роль защиты экономических интересов государства и строительных организаций. И сейчас мы наблюдаем ничем не контролируемый рост цен на строительную продукцию. Если в 1985 г. в расчете на миллион рублей валового объема строительно-монтажных работ выполнялось 192,6 тысячи кубометров земляных работ, то в 1987 году этот объем снизился до 165,2 тысячи кубометров, или на 14,2%. Соответственно объем монтажа бетонных и железобетонных конструкций снизился с 4,46 до 4,13 тысячи тонн, или на 7,4%; укладка монолитного бетона и железобетона — с 1030 до 950 кубометров, или на 7,8%. Объем штукатурных работ за тот же период снизился на 4,9, малярных работ — на 6,7 и кровельных работ — на 4,6 процента. На ту же величину повысилась стоимость единицы физического объема работ. Легкий путь соблазняет многих. Дефицит строительных мощностей порождает диктат подрядчиков. И они широко пользуются этим обстоятельством, вынуждая заказчиков платить за строительную продукцию более высокую цену. В настоящее время нет

и в ближайшем будущем не предвидится никакой конкуренции и соревновательности при размещении заказов на строительные работы. А ведь когда определяли порядок формирования договорных цен, то рассчитывали как раз на конкуренцию. Пока же рост цен ничем не сдерживается. Следует установить жесткий государственный контроль за ценами на строительную продукцию. Выход один — введение преysкуранных цен на потребительскую единицу строительной продукции" (ЭГ № 50, 1988, с. 14).

Еще ужаснее действуют договорные цены ("особо модные товары-новинки с индексом "Н") в легкой промышленности. "Прошедший год был богат на "сюрпризы". Снежный ком дефицита порой стремительно захватывал простые и недорогие товары. Процесс вымывания дешевого ассортимента болезненным образом в первую очередь затронул интересы многодетных семей, а также неработающих пожилых людей, 15 миллионов из которых получают пенсии до 60 рублей в месяц" (ЭГ № 1, 1989, с. 5). "Уровень договорных цен на особо модные товары на 30—300% превышает цены на аналогичные изделия рядового ассортимента. К сожалению, не всегда их можно считать модными, да и изготовлены они нередко не лучшим образом" (ЭГ № 43, 1988, с. 17). "Сегодня четвертая часть продукции легкой промышленности реализуется с индексом "Н" по временным ценам. В том числе кожаная обувь — 30,5%, швейные изделия 33%, трикотажные изделия 22,4%, хлопчатобумажные ткани 22,3%. Это еще раз говорит о том, что индекс "Н" и временные цены используются промышленностью как инструмент увеличения доходов без соответствующего улучшения качества и ассортимента продукции. Промышленность, пользуясь недостаточностью многих товаров на рынке, выпускает в течение нескольких лет обычные изделия под маркой новинок без всяких изменений и усовершенствований. Диктат производителя в последние годы усилился, поскольку полномочия устанавливать временные цены имеют теперь все предприятия легкой промышленности" (ЭГ № 49, 1988, с. 15).

Довольно точно положение описывается в статье "Легенда": "Самофинансирование лишь тогда может считаться таковым, если исключает незаработанные доходы. Практика двух лет преподнесла нам печальный урок: в структуре объема производства и хозрасчетного дохода предприятий легкой промышленности непомерно большую часть стали занимать различные надбавки к ценам, к примеру за выпуск продукции с индексом "Н" и "Д". То есть природо производства в значительной степени обеспечивается ценовым фактором. Получается, что рождается еще

одна легенда: об эффективности хозяйствования... 45 процентов надбавки к ценам поступает в государственный бюджет. Кстати, этот источник пополнения бюджета все больше заявляет о себе. Отсюда бесконтрольный рост цен на продукцию легкой промышленности. Нередко мы становимся свидетелями действий, которые можно назвать "хозрасчетным экстремизмом"... Остановить стихию цен, незаслуженного роста доходов. Надо учиться строить, а не разрушать. Пока, к сожалению, мы преуспеваем в последнем. Прежде всего, необходимо отменить надбавки к ценам за так называемую новизну (Н)" (ЭГ № 1, 1989, с. 8).

В результате министерство торговли сообщает: "Ресурсы для продажи населению сократились по пальто на 2 миллиона штук, плащам — на 1, курткам — на 6, обуви утепленной — на 17 и полуботинкам — на 8 миллионов пар. Хуже того, многих из этих товаров сегодня меньше, чем 7-8 лет назад. Переход предприятий легкой промышленности на новые условия хозяйствования привел к тому, что рост производства товаров в последние годы обеспечивается за счет возрастания роли ценностных факторов в ущерб натуральным. В целом поставка товаров предприятиями легкой промышленности в 1987 году по сравнению с 1985 годом увеличилась на один миллиард рублей. Выпуск же товаров по договорным ценам и с индексом "Н" возрос на 2,5 миллиарда рублей, тогда как производство других товаров массового спроса по прейскурантным ценам сократилось на 1,5 миллиарда рублей. Погоня промышленных предприятий за высокой рентабельностью приводит к "вымыванию" дешевого ассортимента товаров. Отрицательно на конъюнктуре торговли сказывается и обсуждение в печати вопросов предстоящей реформы розничных цен, что порождает у населения чувство неуверенности, вызывает взвинченный, ажиотажный спрос и скупку про запас многих товаров. На волнах ажиотажного спроса уплывают из торговли приобретаемые "на всякий случай" и товары массового спроса: моющие средства, постельное белье, зубная паста, и дорогостоящие товары — ювелирные изделия, мебель, ковры, радиотовары" (ЭГ № 1, 1989, с. 10).

И вот уже появляется в газете статья "В розыске дешевое мыло. Детективная акция, предпринятая "Экономической газетой", МВД СССР и Госторгинспекцией", где в частности говорится: "Не будем тешить себя иллюзиями... Спрос как раз-таки изучается довольно неплохо... Искусственно поддерживая ажиотажный спрос, побуждая людей делать ненужные запасы и под шумок сбывая дорогостоящий ассортимент взамен желаемого, работники торговли тем самым умело

повышают свой общественный вес" (ЭГ № 1, 1989, с. 9). И в другом месте: "Список дефицитных товаров, к сожалению, не уменьшается, а растет. Одновременно в последнее время и в сфере розничного товарооборота происходит вытеснение нормальной торговли распределением" (ЭГ № 2, 1989, с. 20).

Чудовищные результаты дает абалковщина (договорные цены) и в кооперативах: "Сплошь и рядом кооперативы поставлены в более выгодные условия, чем государственные предприятия, и по платежам в бюджет, и по оплате труда, по взимаемым налогам. Нередко кооперативы буквально снимают сливки от повышения цен в условиях дефицита, пользуясь необъяснимой медлительностью с введением гибкого прогрессивного налогообложения. Сверхдоходы кооперативов — это дань, которую платит население... Один из кооперативов повесил объявление перед входом на московское швейное объединение "Большевичку", где предлагает оплату в 400 рублей в месяц за пошив несложных швейных изделий. Мы же пока не имеем возможности платить нашим работницам по 400 рублей, хотя их квалификация выше, чем у кооператоров, да и производительность труда в массовом производстве высока. Есть кооператив, где рабочие зарабатывают до 900 рублей в месяц, а выработка низка, да и качество не очень высокое" (ЭГ № 51, 1988, с. 6). Спросим от себя, откуда же берут кооперативы материалы и оборудование? Результаты не заставляют себя ждать: "По оперативным данным, от рэкета страдают десятки кооперативов, однако уголовных дел, связанных с конкретными случаями шантажа и вымогательства, возбуждено, на удивление, мало: в прокуратуре Москвы, к примеру, только три (!). Председатель известного в Москве кооператива признался: Если ко мне придут и потребуют денег, не колеблясь, выложу их на стол. В среде кооператоров есть и такие, кто боится лишний раз попадаться на глаза правоохранительным органам, — не у каждого чиста совесть. Трудно сказать, чем закончится уголовное дело, возбужденное по заявлению председателя кооператива "Ласточка" Г. Церетели. Под угрозой насилия он выдал двум неизвестным 30 тысяч рублей (хотя те просили 50 тысяч). Пока преступники не установлены. Такая ситуация может обернуться непредсказуемыми последствиями: кооператоры, поставленные перед необходимостью платить дань, обратятся за помощью не к милиции, а к конкурентам своего врага — другой организованной группе. И тогда... Кровавые драки, перестрелки, убийства — все может произойти" (ЭГ № 48, 1988, сс. 18—19).

А вот еще один кооператив "Посредник"

— по обмену квартир в Москве. "Наш кооператив оснащен импортными персональными компьютерами IBM, в полной комплектации, которые позволяют хранить и обрабатывать сотни тысяч вариантов обмена квартир" (ЭГ №43, 1988, с. 18). Спросим и здесь, кто же дал сомнительному кооперативу эти строжайше лимитированные компьютеры? Пожалуй, по терминологии Ленина, пора сказать, что происходит сращивание номенклатуры с кооператорами...

Спрашивается, на кого опирается абалковщина, то бишь самофинансирование, на какой привилегированный класс? Правильно, на науку! Вот последняя информация: "Наука кинулась зарабатывать деньги. Умы будоражат словечки, еще недавно непривычные, — прибыль, товар, контракт, рыночные цены, кооперативы. В отраслевых НИИ заработки инженеров подскочили до 700 рублей в месяц, заведующих отделами — перевалили за 1000. А где новые технологии? Что изменилось? Почти ничего. Программа модернизации машиностроения не выполняется во многом по вине науки. С переходом ее на полный хозрасчет сильно пострадала перспективная тематика. Зато появилось много мелких, непрофильных, но денежных работ. Цены на те же самые услуги подсказывают во время торгов в 2—3, а то и в 40—60 (!) раз. На 12 процентов возросли заработки в науке — как ни в одной другой отрасли народного хозяйства" (ЭГ №2, 1989, с. 4).

В прошлом номере журнала мы уже сообщали о ликвидации магазинов "Березка", торговавших на иностранную валюту с советскими гражданами. Приводим новые отклики на это решение: "Разрушение системы валютной торговли в стране считаю образчиком головотяпства со взломом. На третьем году перестройки, борьбы с командными методами нельзя расценить это иначе, как экономическую диверсию... Все даже мне, дилетанту, было понятно с самого начала. Но почему же наши корифеи в госкомиссии, ошибки которых страна оплачивает инвалютной, позволяют себе безнаказанно наносить ущерб государству, на службе у которого они состоят? Где и какое образование они получили? Хотелось бы знать их фамилии... Валюта продолжает уходить за пределы страны: она оседает в иностранных банках, в то время как страна ощущает ее острую нехватку. Вновь и вновь письма с вопросом: когда же бездумно разрушенная торговля на валюту будет налажена?.. А чем это они лучше нас, чтобы покупать в магазинах "Березка"? Подобные речи мы уже слышали из уст иных маститых социологов и немногочисленной, но крайне шумной группы журналистов, претендующих на исключительное право быть "гласом народа"... Страна и завтра будет

посылать людей за границу, и не единицы, а сотни тысяч. Они и завтра будут обладать определенной суммой (свыше полумиллиарда рублей ежегодно) иностранной валюты, которая может быть ими при желании возвращена в советский Внешэкономбанк. После закрытия "Березок" большинство заграничников тратят там свою зарплату сполна. Более того, советский персонал теперь активно переводит деньги со своих валютных счетов из СССР. Такое право предоставлено январским решением. Крупные суммы изымают со счетов моряки заграничавания... Налаживается ли организация разгромленной валютной торговли? Поистине, ломать — не строить, для этого много ума не надо... Деяния банды Чурбанова, похитившей у государства 20 миллионов рублей за несколько лет, — ничто в сравнении с уроном, который потерпела страна по вине этих ответственных лиц... Мы столько дров наломали за последнее время в области внешней торговли, потеряли многие традиционные рынки, утратили давние устойчивые и выгодные связи, в эту сферу пришло много некомпетентных людей... С таким подходом надо решительно кончать, иначе вновь и вновь будут возникать перегибы, подобные тем, что были допущены в борьбе с алкоголем и в других шумных и скороспелых кампаниях... Кто готовил решение? Обратились к председателю Госвнешнеэкономкомиссии, но натолкнулись на вежливый отказ: мы-де не виноваты, на нас надавили" (ЭГ №1, 1989, сс. 6—7). Кто мог надавить на эту комиссию, спросим мы. — Только Горбачев.

Отметим, наконец, что 2 декабря политбюро приняло решение "о продаже гражданам в личную собственность занимаемых ими квартир, а также незаселенных квартир в домах, подлежащих реконструкции и капитальному ремонту, с оплатой их в рассрочку. Первоочередное право на приобретение незаселенных квартир предоставляется гражданам, состоящим на учете для улучшения жилищных условий". Что до продажи уже занимаемых квартир, то без изменения системы прописки это сводится к отъему денег у населения.

В заключение заметим, что на фоне мертвого молчания или восторженного одобрения перестройки в эмигрантской прессе только обозреватель "Посева" А. Югов придерживается сходных с нами мнений на систему акад. Абалкина. Цитируя заявление академика, что "если при нынешнем уровне общественного сознания вопрос о кооперативах поставить на голосование, боюсь, пройдет самое жесткое налоговое обложение, которое убьет кооперацию. Тяга к уравниловке свойственна многим", — А. Югов справедливо замечает: "Дело не только в тяге к уравни-

ловке и не в чувстве зависти. Цены там дикие, причем никакой тенденции к их снижению не наблюдается, скорее наоборот. Процветают те, кто с наценкой покупает продукты оптом в государственных учреждениях, получая затем незаслуженно огромную

норму прибыли. Дефицит добывается в государственных учреждениях за взятки. Желанной конкуренции, снижения цен и улучшения качества не наступит путем спекуляции и незаконных махинаций" ("Посев" №10, 1988, сс. 44—45).

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ ПОВОЛЖЬЯ

В московском журнале "Дружба народов", №9 за 1988 г., помещен большой репортаж чувашского литературоведа А. Хузангая "Право на наследство" с подзаголовком "Молодая финно-угорская поэзия Поволжья и Приуралья". Для нас ситуация, сложившаяся в культурной жизни данных народов, представляется особо важной потому, что речь идет о племенах, которые в рамках здравого смысла не могут (да вроде бы и не проявляя желания) отделиться от России; и притом таких, которые с нами тесно связаны принятой ими православной религией и опытом долгого общения.

Хузангай рассказывает, как он, выехав из Чебоксар, посетил города Йошкар-Ола (бывший Царевококшайск и затем Краснококшайск), Саранск и Ижевск, где имел беседы с местными писателями, выражая сожаление, что мог с их произведениями ознакомиться только в русских переводах. Впрочем, он уточняет, что: "Быть чувашским критиком, оказывается, большое преимущество в данном случае, ибо, как выражаются ученые мужи, "...по мере укрепления ислама в культуре татар и башкир, в разной степени расширились и стабилизировались центрально- и среднеазиатские традиции, а среди чувашей — язычников и христиан — доминирующим стал субстратный слой финно-угорской культуры. В результате чуваша оказались наиболее бикультуральным этносом: сохраняя архаичный тюркский язык, они в то же время развивали культуру, во многих отношениях близкую к культуре финно-угорского мира" ("Болгары и чуваша", Чебоксары, 1984).

Жаль, что этюд Хузангая не охватывает зырянской литературы (кажется, как раз весьма богатой), не говоря уже о положении дел у пермяков, вогулов и остяков. Он ограничивается, как факт, черемисами (марийцами), мордвой и вотяками (удмуртами).

О новых веяниях, или вернее о пробуждении спавших сил, свидетельствует следующий пассаж, посвященный творчеству одного из молодых марийских поэтов, Анатолия Тимиркаева: "Есть у Тимиркаева замысел новой поэмы, тема которой снова память — на этот раз память о марийских поэтах поколения "отцов", незаконно репрессированных в конце тридцатых годов, погибших на полях войны

в сороковые (Олык Ипай, Йыван Кырля, Пет Першут, Шадт Булат, Яньш Ялкайн и другие). Словно ночные бабочки, тени этих вечно юных поэтов слетаются на свет лампы, стоящей на столе поэта конца восьмидесятых, совесть которого тревожит несправедливость их судьбы, и он ведет с ними долгий разговор. Их поддержка нужна Тимиркаеву сейчас, когда поэтическое слово проходит испытание на ветру гласности. Хочу только пожелать, чтобы автор нашел в себе душевные силы воплотить трагедию того поколения, не оставляя места недоумкам и полуправде".

Те же проблемы, что и у нас!

С этими образами перекликаются цитируемые далее оценки венгерского литературоведа Петера Домокоша: "Исследователь отмечает конец 30-х годов, когда "литература национального духа и социалистической гражданственности была разделена: национальная ветвь погибла, политическая исказилась..."

Как формулирует сам Хузангай: "Репрессии конца 30-х годов, последующая война уничтожили самую активную часть творческой интеллигенции в автономиях Урала и Поволжья... другим навешали ярлыки... третьих обрекли на длительное молчание и открыли дорогу спекулятивному словоблудию, которое всячески отмежевывалось от национального".

Но есть и другие, более специфические проблемы, завещанные предшествующими годами, — теми, которые нынешняя подсоветская печать именует временами **культ личности и застоя**: "Последовательно, на всех ступенях надо осуществить коренное улучшение преподавания марийского языка и литературы. Это первый шаг на трудном пути".

Хузангай приводит слова черемисского литературоведа А. Васинкина: "Серьезные проблемы связаны с литературной критикой. Мы же не имеем возможности назвать белое — белым, черное — черным. Критика конкретная, с названием фамилий авторов, жесткая и нелестная, не в чести. А с другой стороны, вот два наших молодых прозаика выступили в журнале "Ончыко" с повестями (Алексей Александров — "Узел сердец", Геннадий Алексеев — "Сиротская душа"), попытались поглубже заглянуть в

душу человеческую, острее, чем привычно, поставить проблемы современного села. Это была попытка прорвать традицию вторичной "деревенской" прозы. Наша критика встретила ее в штыки, она подошла к этим вещам с критериями чуть ли не 20-летней давности. "Городской", "молодежной" прозы у нас нет. Молодые (к названным именам можно прибавить имена Валерия Бердинского, Геннадия Гордеева) приблизились, скажем, к некоторым "запретным" в контексте местной ситуации темам (брошенные дети, алкоголизм, более открытое изображение интимной сферы). И тут же посыпались обвинения чуть ли не во фрейдизме, натурализме, порнографии. Хотя у них через интимное, через сферу эмоций просвечивают как раз социальные проблемы".

Интересно упоминание о талантливом третьекласснике, стихи которого взбудоражили среду взрослых поэтов. Как-то сложится судьба этого **марийского Пушкина**, чье имя нам пока не названо?

Светлое впечатление осталось у чувашского критика от встреч с поэтами Удмуртии: "Уже самые первые встречи в Ижевске оставили впечатление, что организационно-творческая работа с молодыми ведется Союзом Писателей Удмуртии довольно успешно. Обычная "универсальная" система здесь срабатывает без ощутимых сбоев. Активно задействованы различные литобъединения и кружки (их в Удмуртии около сорока, вниманием не обделена и глубинка, так, например, в Глазове, Сарапуле, Воткинске, в Можгинском районе литобъединения достаточно многочисленны и сильны)".

И затем: "Мы обсуждаем и чисто полиграфические проблемы: в этом отношении продукция издательства "Удмуртия" выгодно отличается от "рядовых" провинциальных изданий. Особенно хороши поэтические книги — изящны, нестандартно оформлены".

Мы узнаем, что в целом в литературах Поволжья и Приуралья отчетливо чувствуется преобладание поэзии над прозой. Любопытное явление представляет собою особое развитие женской лирики; выдающихся поэтесс больше, чем поэтов. Привлекают внимание стихотворения Татьяны Черновой, сохраняющие очарование даже в переводе:

Была я разговорчивой и смелой, —
Ты замкнутость привил к моей судьбе.
Тогда я верить лишь тебе хотела,
Теперь не доверяю и себе.

Или:

Как жаворонок в вышине
Звенит, озвучив поднебесье,
Так песня новая во мне
Звучит, но ты не слышишь песни.

К сожалению, стихи Людмилы Кутяновой

Хузангай дает только в подстрочном переложении, не могущем передать качества подлинника:

А я

как человек, живущий последний день,
смотрю и смотрю пристально на тебя.

Боюсь —

шалей вихрь промчится через наши
жизни

или вдруг ни с того ни с сего

потеряем друг друга, не осилив счастья.

Это две удмуртки, а вот марийка Альбертина Иванова:

Улыбнись,

Когда в окошко ветер

Постучит,

Спугнув твой сон к утру.

Раствори окошко на рассвете,

Это я озябла на ветру.

Тогда как в мордовской поэзии женская лирика представлена Раисой Кемайкиной:

Я снова слышу песни детства

И вижу теплый свет в окне,

и Анной Сульдиной, о которой критик верно подмечает, что ее стихи похожи на японские:

И запах из сада

Заполнил наш дом,

И кажется жизнь

Светла и легка,

А я внутри яблока...

В оконный проем

Плывут и плывут

Облака.

Курьезно, что наиболее пессимистическую оценку чувашский критик дает положению дел в Мордовии, хотя мордва остается самым многочисленным финским народом Поволжья, насчитывая 1150000 человек. Отрицательную роль играют наличие двух национальных языков, эрзянского и мокшанского, и в значительной мере чересполосное с русскими расселение.

Однако мрачному взгляду автора противоречит существование талантливых поэтесс, как названные уже выше Кемайкина и Сульдина, и поэтов, как Александр Пудин (хотя Хузангай о философских стихах этого последнего и отзывается несколько скептически):

Одною прямой неэвклидовой мир осенен,
И тварь, и Творец бесподобны на ней

и согласны,

И слово идет и мотив созывает прекрасный,

И песня звучит, словно точное эхо времен.

А о поэме поэта старшего поколения Василия Радаева "Синжар" "даже возникла несколько лет тому назад целая дискуссия, считать ли его мордовским народным эпосом (третьим финно-угорским — наряду с "Калевалой" и "Калевипозгом") или авторским произведением?".

Раздел о мордовских писателях завершается стихами Константина Смородинова в память знаменитого скульптора с трагической судьбой, Эрзи:

О Эрзя! Как же ты сумел
Оставить головы без тел
Полуживые.

Оставить Ужасу раскрытый
Навеки рот.
А если Ужас оживет
То — что закричит тобой убитый?

Владимир РУДИНСКИЙ

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(Продолжение, см. №№ 49, 50, 51)

ШКОЛА

(5-й по 7-й классы)

В школу я пошла одиннадцати лет сразу в 5-й класс. Как это было возможно при советской власти? А вот оказалось возможным. В Пскове было большое количество бывших учеников моего отца, у нас было много знакомых врачей, а я действительно росла очень слабым и болезненным ребенком. Я не только переболела всеми детскими болезнями, кроме скарлатины, но и постоянно простужалась, ангины, воспаление гланд, гриппы и просто простуды с высокой температурой были моим почти обычным состоянием. Врачи писали справки, что я по состоянию здоровья в школу ходить не могу, а мой отец ручался за то, что обучит меня всему необходимому для начальной школы. Знала я, конечно, больше, чем большинство учеников начальной школы, читать начала с пяти лет и перечитала массу всего, как по новой, так и по старой орфографии, которая меня никогда не пугала. Знание арифметики было тоже обеспечено, географию я знала хорошо уже из-за моего пристрастия к описанию путешествий — ведь и игры мои с моим другом детства не обходились без огромной географической карты, которую мы раскладывали на полу и точно определяли пути наших будущих путешествий и приключений, — а русскую историю я изучала по старым революционным учебникам. В школе ее тогда вообще не учили. Только по обществоведению мне пришлось взять несколько уроков у одной знакомой преподавательницы начальной школы, прежде чем я пошла на экзамен для поступления экстерном в 5-й класс.

Школу мой отец выбрал для меня сознательно. Правда, невозможно было посылать ребенка в любую школу города, надо было посылать в территориально ближайшую, но мы жили как раз посередине между центральной "образцовой" и железнодорожной школой. Мой отец мог выбирать. "Образцовая" была, конечно, хорошо обставлена, но и находилась под зорким оком партии, тогда как железнодорожные (их было две,

но только одну постепенно превратили из семилетки в десятилетку) были немного запущены. Они подчинялись не наркомпросу, а наркомату путей сообщения, и на них обращалось мало внимания. Здание было старое, не существовало физкультурного зала, и мы занимались физкультурой в коридоре. Но зато это была единственная школа в Пскове, где директором был беспартийный, математик и ученик моего отца. Туда забрались как в некое убежище преподаватели, "не созвучные эпохе". Конечно, они преподавали согласно программе, но по своей инициативе не проявляли никакого партийного рвения. Исключением были преподаватели истории и обществоведения, но и они не были рьяными, и — короткое время — преподавательница биологии.

Я не только не была в комсомоле, но не была и пионеркой. Когда всех автоматически записывали в пионеры, я еще не ходила в школу. А когда пошла в школу, все остальные были уже пионерами и нового набора не происходило. Впрочем, одна учительница заметила это обстоятельство. Биологичка, совсем не подходившая к духу нашей школы и пробывшая в ней всего один год, была типичной комсомолкой 20-х гг. Я поступила в школу осенью 1932 г., и учительница, хотя и молодая, возможно, тогда уже вышла из комсомольского возраста и была партийной. Но этот не в бытовом, а в политическом смысле вульгарный тип вышедших из простых и принявших фанатично на веру новое учение был характерен для 20-х гг. Позже мне такого типа встречать не приходилось. Она придиралась, если слышала случайно, как кто-либо из детей в личном разговоре на перемене говорил "Слава Богу" или "Дай Бог". И она же придралась к тому, что я — не пионерка. Как-то на уроке она обратилась ко мне с соответствующим вопросом. Я помню эту сцену как сейчас. Я встала, худая и бледная, какой я была до 14 лет, несмотря на все старания моих родителей питать меня лучше. На Севере и при коллективизации не было настоящего голода, хотя была введена карточная система, но все же получать продукты

было можно. Но я, как я уже писала, много болела. На меня обернулся и смотрел весь класс, и я заговорила каким-то вдруг у меня появившимся глухим замогильным голосом о том, что я так много болею, что поэтому и в школу пошла поздно, что едва могу справляться с учением (что было совершенно неверно, т. к. я по всем предметам знала больше, чем остальные ученики) и что никак не могу дополнительно вести ни малейшей общественной работы, даже бывать на пионерских слетах. Вышло, видимо, убедительно, т. к. активистка промолчала. Молча выслушал и весь класс.

Вскоре она исчезла, и вместо нее биологию, потом и химию преподавала немолодая, добрая, но апатичная Елена Александровна Дрессен. Хотя она собирала наши гроши на Озет (общество помощи евреям), но и это делала без всякого энтузиазма, а проявлять своей политической инициативы ей и в голову не приходило.

Мы тогда должны были хоть гроши, но жертвовать на одно из трех обществ: Мопр (помощь международной революции), вот этот самый Озет или на общество воинствующих безбожников. Я не помню, как долго продолжались эти сборы. Когда я перешла в 8-й класс, их уже не было, а были ли они в 7-м, не помню.

Долгое время школа проходила более или менее мимо меня. Центр моей жизни был дома. Только постепенно я начала сближаться с некоторыми одноклассниками, но близкая дружба возникла позже.

Преподавание скользило, не задевая глубоко. Хорошим преподавателем русского языка с 5-го и до 10-го класса был немолодой еще дореволюционной выучки преподаватель Гринин. В литературе он дал нам не так много, как в грамматике, но его и самого, видимо, тошнило от Серафимовича, Сейфуллиной, да и от Фадеева и Маяковского. Но и русской классики, когда мы ее проходили, он не мог подать нам живо и интересно. Ее усваивали уже сами и гораздо раньше, чем дошли до нее по школьной программе.

Странно, я не помню совсем, преподавали ли нам в каком-нибудь классе русскую историю. Но Покровского я, кажется, в руках держала. В младших классах, 5-м, 6-м и 7-м, историки сменялись с калейдоскопической быстротой. У меня от них не осталось никакого впечатления. Только одного я помню, хотя и не знаю теперь, как его звали. Это был бывший партизан, потом комиссар на Дальнем Востоке. Кака он попал в преподаватели истории, не могу себе и представить, вероятно, это было очередное партийное задание. Никакой истории он нам не преподавал, но очень красочно рассказывал

истории из гражданской войны и с увлечением описывал укрепления на границе Дальнего Востока. Пробыл он у нас недолго. Значительно позже, я была уже студенткой, в Пскове рассказывали, что этот человек, — какое у него в то время было партийное задание, я не знаю, — решил сказать на партийном собрании своим партийным товарищам "всю правду". Это напомнило мне мужа моей тети. И он не мог никак оторваться от партии и считал нужным на закрытом собрании сказать им, что делает их режим, как будто не знал, что из этого выйдет. И этот бывший учитель был там же, на собрании, арестован. Когда началась война 1941 года, он сидел в политической тюрьме. Уходя, советские войска, вернее, специальные части поджигателей, подожгли и политическую тюрьму, где заключенные сгорели заживо. В том числе и мой бывший учитель.

В 5-м классе мне было 11 лет, и я была самой младшей. В среднем ученикам и ученицам было по 12 лет, а девочке, с которой я попала на одну парту и которая потом стала одной из моих лучших подруг, Зине, было уже 13. Я говорю подробно о возрасте, т. к. именно в этом возрасте нам пришлось пережить страшную вещь. Однажды были созданы три старших класса — школа была тогда еще семилеткой, и старшими классами были 7-й, 6-й и наш, 5-й. Все эти подростки и дети должны были голосовать за или против расстрела "вредителей транспорта". Это был первый и последний раз для меня. Впоследствии Сталин перестал устраивать дымовую завесу из голосований граждан и детей. Он расстреливал без всякой "санкции".

Помню нашего классного руководителя, учителя словесности Гринина, для которого это голосование детей за расстрел было, очевидно, отвратительно, но который боялся отказаться. У него же была семья, дочь, учившаяся одним классом выше меня, и на три года младший сын. Был еще кто-то, вероятно, от партийцев, но я точно уже не помню. Сидевшая рядом со мной Зина подняла руку за расстрел. Но я не могла. Я вообще не подняла руки. Поднять против я не решилась: с ранних детских лет усвоенная ответственность за родителей не допускала такого мужественного шага. Я была еще слишком мала, такое выступление не приписали бы моим собственным убеждениям, а начали бы копать, "чем дышит семья". Мы сидели в одном из первых рядов. Неужели никто не заметил, что я не подняла руки? Не знаю. Никто ничего не сказал, а вопрос "кто воздержался?" задан не был. Возможно, внимание от моей неподнятой руки отвлекла ученица 7-го класса, поднявшая

руку против расстрела. В нее сейчас же вцепились: почему она голосует против расстрела? Она встала и спокойно ответила, что она вообще противница смертной казни.

Я не знаю, что было потом с ней или ее родителями. Я тогда была еще мала, новичок в школе, я не умела прислушиваться к тому, что говорят, и узнавать новости. Помню только, что в стенной газете, в отделе "Что кому снится", было написано, что этой ученице (фамилии ее не помню) снится, что советская власть построила дворец вредителя транспорта. Это была обычная коммунистическая передержка: от неприятия смертной казни до построения дворца для — справедливо или несправедливо — обвиняемых большая дистанция.

В школе все шло своим чередом, и я, несмотря на частые болезни и пропуски уроков, переходила из класса в класс с похвальными грамотами.

Самое страшное время коллективизации прошло, в основном, мимо меня. На бедном Севере сопротивление было не так велико, как на плодородном Юге. Исчезли булочные, бывшие при НЭП'е, и, конечно, другие продуктовые магазины, выпекался только однообразный серый хлеб, потом были введены продуктовые карточки. Одно лето мы остались в городе, тогда как обычно выезжали в деревню на дачу, но настоящего голода у нас не было. И все ужасы коллективизации вошли в мое сознание позже, а не в то самое время, когда они происходили. Но один эпизод запомнился мне на всю жизнь. Летом 1934 года мой очень любивший путешествовать отец решил поехать с нами в Крым. Тогда было какое-то альпийское туристическое общество, принимавшее в свои ряды всех, в том числе и таких "альпинистов", как мою уже не такую молодую полную мать и меня, ребенка. Но оно имело в городах свои пункты, где можно было питаться и ночевать. Как члены этого общества мы и поехали в Крым. На юге с питанием было трудно и особенно моему отцу, вегетарианцу по убеждению. Мясо было, но хлеба совсем не было. Хотя самое страшное голодное время уже кончилось. Когда мы проезжали через Украину, на станциях просили еды бледные, с тоненькими как спички руками и ногами дети, уже немного постарше, совсем маленьких не было. Пассажиры давали, что могли, но у нас, обычных граждан, самих было мало. И вот однажды на такой станции из окна международного мягкого вагона выглянуло толстое лоснившееся лицо советского сановника и не менее толстая рука бросила детям довольно большой пакет. Дети кинулись к нему, развернули и... отпрянули разочарованные: в пакете были окурки! С тех пор лоснившееся толстое лицо

советского сановника, голодные дети и насмешка над их несчастьем, над их голодом стали для меня символом советской власти.

Мечтать о свержении этой власти я начала довольно рано, лет с двенадцати. Мечты эти принимали характер картинок детского воображения. Я подумала, что вот если бы все вдруг перестали работать, то и власть не могла бы удержаться. То, что такая акция называется "генеральной забастовкой", я узнала позже. Тогда я представляла себе Москву почему-то всегда в жаркий и сухой июльский день. Легкий ветерок ворошил пыль на иссохших улицах — и на них все было мертво. Трамваи и автобусы не ехали, даже пешеходов не было. Все было тихо и пусто. Сталин выходил на балкон Кремля и злился, но не мог ничего поделать.

Такие сладкие мечтания утешали меня довольно долго, но мне было 13 лет, когда меня однажды вдруг как обожгло: а армия? Ведь они пошлют армию выгонять людей на работу, и ничего нельзя будет поделать! Почему я тогда не подумала о ГПУ, я не знаю, но мысль об армии перевернула все мои "планы". Позже, когда мы учили историю партии, мне было смешно, что я в 13 лет и чисто теоретически додумалась до того, до чего Ленин дошел только после неуспеха революции 1905 года. С тех пор направление моих мечтаний изменилось: я начала думать о привлечении хотя бы части армии на сторону народа, о военном заговоре и вооруженном восстании.

Мое полное неприятие советской власти с детства было, конечно, заложено в семье, но в 12—13 лет я уже совершенно сознательно ее отрицала как существующий факт, как власть, действующую так, как она действовала. Ясно, никакого анализа идеологии в этом возрасте я сделать не могла. Вообще в то время идеология меня еще совсем не коснулась. От обществоведения, преподававшегося нам в этих классах (начиная с 8-го класса его уже не было), у меня не осталось почти никаких воспоминаний. Запечатлелись в памяти только анекдотичные моменты, так, например, нам рассказывали, что Маркс весьма напряженно размышлял и при этом всегда ходил по комнате из угла в угол, так что даже протоптал в полу дорожку. Или что Маркс читал сразу несколько книг. Тогда еще у меня мелькнула мысль, что оттого у него, вероятно, и была такая путаница в голове.

Но, к сожалению, я не могу сказать, что от проникновения в мой ум того, что нам пытались навязать сверху, я была защищена другим мировоззрением или сознательной верой. Мне и теперь, в воспоминаниях, трудно объяснить, отчего мои родители не дали мне полного представления о христиан-

стве. Неверующими они не были, но, видимо, и глубоко верующими тогда еще не были. Они оба окончили свою жизнь глубоко и церковно верующими, но тогда еще, видимо, ими были не вполне.

Мой отец написал мне "Отче наш", Символ веры и "Богородица, Дево, радуйся", и я эти молитвы добросовестно выучила. Но я не помню, чтобы мне их объясняли, равно как и не помню, чтобы со мной вечером молились. Отец одно время читал маме и мне что-нибудь, когда мы были уже в постели. Так были прочитаны "Илиада" и "Одиссея" и не раз наша любимая "Калевала" (финские сказания), был прочитан роман Виктора Гюго "Несчастные". Однако Евангелие или другие религиозные тексты не читались.

В церковь мои родители во время НЭП'а ходили, особенно на большие праздники. Я помню, как, отправляясь на пасхальную заутреню, они меня укладывали спать, но я никогда не спала. Горела лампадка у икон, и я все время на нее смотрела, ожидая возвращения родителей. Иконы у нас висели во второй комнате. В страшный 37-й год мама поддалась всеобщему страху до такой степени, что однажды сняла иконы и спрятала их, а в первой комнате повесила какой-то дешевенький бумажный портрет Сталина. Мой отец некоторое время терпел, но потом сказал: "Если ты не убережешь эту морду, то я сам разорву ее в клочки. И повесь снова иконы". Мама, ничего не возразив, так и сделала. Одна из этих икон доехала и до Германии и до сих пор у меня есть и висит над моей кроватью.

В воскресенье и я иногда ходила с родителями в церковь и семи лет первый и надолго последний раз исповедывалась. Причащалась я, конечно, чаще. Но потом преподавателям нужен был героизм для того, чтобы ходить в церковь. Да и я, как дочь преподавателя, не могла этого сделать, не подвергая отца нападкам: какой же это преподаватель, который не сумел из собственной дочери сделать неверующую? Повторяю, мои родители не были героически и беззаветно верующими в то время. Отец ходил иногда в церковь на Охте, когда бывал в Ленинграде, там его вряд ли кто мог узнать. Мама ходила изредка и в Пскове — жена уже взрослый человек, ее не всегда можно переделать, такова была логика властей — но потом в Пскове закрыли все церкви, так что и пойти было некуда.

Мы праздновали большие праздники. На Рождество во время НЭП'а делалась еще большая елка до потолка в первой комнате, а игрушки клеили сами из разных коробочек, делали ленты из глянцевитой бумаги. Потом можно было купить украшения. Во времена

запрета знакомые крестьяне привозили под дровами небольшую елочку, которую ставили во второй комнате, а окна занавешивали, как на войне, чтобы не видны были свечи. Да то и была жестокая война режима против народа. С 1936 г. делали елку уже открыто, в первой комнате, но не такую большую, как прежде. Тогда была вдруг разрешена "новогодняя елка". Она оставалась, конечно, стоять до Рождества по старому стилю. Тогда были у нас и зимние каникулы. Весенние же далеко не всегда попадали на Пасху. Воскресенья совсем не было, была шестидневка, выходной и подвыходной дни попадали на разные дни недели.

Но я не помню, чтобы мне разъясняли значение праздников. Конечно, поверхностно я их знала из многих прочитанных мною книг, но глубокого объяснения не хватало. Отец говорил иногда и о религиозных вопросах в ходе общих разговоров и так, как будто было само собой разумеющимся все это знать. Но для меня это не было чем-то само собой разумеющимся. В школе же не было уроков Закона Божия! Отчего я сама не расспрашивала? Вероятно, для меня тогда эти вопросы не имели большого значения, вернее, я не понимала их значения. Мои поиски начались позже. В описываемое время (11—13 лет) я только отрицала власть, не вдумываясь в ее идеологические основы.

В 6-м классе мы ходили в школу во вторую смену. Занятия начинались в 2 часа пополудни и кончались в шесть часов. Зимой возвращались в полной темноте. В Пскове в декабре в помещениях уже в 2 часа приходилось зажигать свет, темнело рано. Мои родители охотно встречали бы меня после окончания занятий, но я запротестовала, стеснялась одноклассников. Почти до самого дома я могла идти с одной из моих одноклассниц, но только **почти**, совсем уже недалеко от дома, где мы жили, она поворачивала в боковую улицу, и я шла небольшой кусочек улицы одна. В один из таких вечеров у меня было переживание, которое психологи называют "ключевым".

На нашей улице была банда беспризорников. Словом "банда" я не хочу их дискриминировать, это были несчастные подростки. "Наша" банда ютилась в подвале, во дворе соседнего дома. Я не знаю, когда и почему был построен этот подвал. Вход в него был посередине двора, он не примыкал непосредственно ни к какому дому, и никто из жильцов им не пользовался, дверь не запиралась. Вот в этом подвале и ютилась банда. Между жителями улицы и бандой существовал неписанный договор: жители не доносили на банду милиции, а банда не трогала жителей улицы. Помнится, мне было лет 10, когда я вместе с соседской девочкой

того же возраста видела, как беспризорники стащили бутылку водки с медленно ехавшего воза. Другие из той же банды отвлекли внимание возчика в другую сторону. Мы стояли в воротах, и один из беспризорных, проходя мимо нас, пригрозил: "Молчите, а то...". Не могу сказать, чтоб эта угроза меня испугала, но доносить на этих несчастных за то, что они стащили бутылку казенной водки, мне и в голову не приходило.

Но вернемся к тому вечеру. Я только что распрощалась с Ниной, повернувшей в боковую улицу, как заметила, что на нашей улице, впереди меня, недалеко от дома, где мы жили, расположилась банда подростков. Они сидели на корточках по правую и по левую сторону тротуара. Один же из них, видимо, старший, уже лет 17, высокий и худой, стал как жердь прямо на моем пути немного позади подслеповатого уличного фонаря. Я уже давно не видела тогда никого из "нашей" банды и даже не знала, существует ли она еще вообще. Во всяком случае, она мне в этот момент в голову не пришла. Что было делать? У меня был импульс повернуться и убежать, но я себя остановила. Этот долговязый, длинноногий парень догнал бы меня очень быстро, мне было всего 12 лет. Да и куда бежать? Прочь от дома? Я решила, что должна идти прямо дальше, и шла тем же шагом, как и до сих пор, не ускоряя и не замедляя. Когда я подходила к фонарю и к парню, стоявшему на моем пути, у меня опять возникло желание сделать шаг в сторону и обойти его, между ним и сидевшими на корточках было место. Но я снова себя остановила: он ведь не случайно стоял на моем пути, если я попробую его обойти, он снова заступит мне путь. И я шла прямо на него, как будто это было пустое место. Когда я подошла под свет фонаря, парень вдруг сказал "своя" и отступил, пропуская меня. Вся банда поднялась с места и исчезла мгновенно. Я все тем же шагом прошла дальше и, не ускоряя шага, дошла до дома. Испуга не было. Все произошло как будто так, как должно было произойти. Дома я ничего не рассказала. Странно, что только немного позже я поняла, что это была "наша" банда, оттого парень и сказал "своя", т. е. жительница этой улицы. Я никогда не задумывалась над тем, что было бы со мной, если б это была "чужая" банда. Но позднее в жизни мне не раз приходилось в переносном смысле этого слова идти прямо на, казалось бы, непреодолимое препятствие, и оно всегда расступалось, исчезало, как будто его и не было, и я могла свободно пройти.

Летом этого же года было другое запомнившееся происшествие. Мы почти каждое лето проводили в деревне, на даче, снимая у

крестьян летнюю половину их избы, т. к. отдельных дач у колхозников уже, конечно, не было. И вот однажды в деревню, где мы были на даче, приехал гепеушник на дрезине и сказал, что им надо задать моему отцу несколько вопросов, отец должен поехать с ним в город. Мы все растерялись, боясь, что отец с этого допроса уже не вернется. В полной растерянности маме пришла в голову мысль, что хорошо бы мне поехать вместе и ждать отца на городской квартире. Для чего? Ведь телефона не было тогда у нас и на городской квартире, а тем более его не было в деревне. Что если б отец не вернулся? Я, двенадцатилетняя, сидела бы на городской квартире в страхе, одна, и мама беспокоилась бы за нас обоих. Но если человек растерян, он не способен ясно мыслить. Мама сказала гепеушнику, что я никогда не ездила на дрезине и мне, ребенку, будет интересно проехаться, не разрешит ли он и мне ехать. Гепеушник хмуро кивнул головой. Ехать на дрезине было мне, действительно, приятно, но на душе было тяжело.

К счастью, отец скоро вернулся на городскую квартиру, и мы даже успели попасть на вечерний поезд, чтобы успокоить поскорее маму. При всей трагичности тогдашнего общего положения допрос моего отца не был лишен комических элементов. Сначала, после трафаретных вопросов о личных данных, моего отца спросили: "Есть орден?" Мой отец помялся: "Да, Станислава, но он давался автоматически". "Я спрашиваю о советских орденах", — пояснил допрашивавший. Таковых у моего отца не было. Следующий вопрос был: "В тюрьме сидели?" Опять мялся отец: "Да, в 24-м году, но коротко, выяснилось, что я ни в чем не виноват". "Нет, я имею в виду царскую тюрьму", — снова поправил гепеушник. Нет, в царской мой отец не сидел. Все было наоборот: орден имел царский, а в тюрьме сидел советской. И все же как-то сошло. Спрашивали отца об его бывшем коллеге еще по реальному училищу, преподавателе Воскресенском, был ли он членом партии эсеров. Насколько мой отец знал, он им был, но отец сказал, что не имеет об этом понятия. Вторым вопросом был, знает ли мой отец, где Воскресенский теперь находится. Мой отец знал, что еще недавно он был в Смоленске: когда мы посещали там своих родных, мы случайно встретили его с дочкой в моем возрасте, которую он назвал Оленушкой. Мой отец тогда сказал мне, что это бывший коллега. Но теперь отец с замиранием сердца (а вдруг им известна даже эта случайная встреча) сказал, что не знает, где находится этот человек. Сошло, отпустили. Вряд ли Воскресенского не смогли найти, что было с ним и с его Оленушкой, я не знаю.

Если говорить о детстве, надо хоть несколько слов сказать о животных, которых я всегда очень любила. В детстве даже мечтала избрать себе какую-нибудь специальность, связанную с животными, много читала о животных. Дома у нас были коты и кошки. Помню я черно-белого кота Мурзика, который разговаривал только с моим отцом. Мама даже обижалась, ведь она его кормила, а ее он не удостоивал ответом. Я, тогда малышка, уж и не претендовала. Но, если отец спрашивал его: "Ну, Мурзик, как поживаешь?" — кот неизменно отвечал: "Мяу-яу-яу". Когда я стала старше, моей любимой кошкой была трехцветная Мурка. Она спала у меня на постели и, позже, когда я уже была студенткой и приезжала на каникулы, встречала меня, как собака. Но к собакам меня всегда тянуло больше. Во всех деревнях, где мы жили на даче, я сразу же дружилась со всеми собаками, в том числе и с несчастливыми цепными псами. Ни одна собака мне никогда ничего не сделала. Хотела я и сама иметь собаку. Мой отец почему-то долго не соглашался. Но вот у наших почти что соседей — они жили на той же улице — ожидалась щенки. Это была семья агронома Гуляева, жившая в маленьком собственном домике с маленьким же садиком, где хозяин занимался своим, как бы теперь сказали, хобби, а именно разведением гладиолусов. В его маленьком садике было огромное количество этих цветов самых разных форм и красок. Летом гости должны были непременно восхищаться этими его "детьми" и не уходили без большого букета гладиолусов. Вот у них была собачка женского пола, белый шпиц, и она ожидала щенков. Они нам обещали одного, и мой отец согласился. Однако потом казалось, что из этого ничего не выйдет. Родилось только три щенка, кому-то были обещаны раньше. И я хорошо помню тот прекрасный для меня вечер, когда к нам позвонили и вошла Гуляева, неся на руках белый пушистый комочек с тремя черными точками, глазами и носом. "Вот, — сказала она, — все-таки и для вас хватило".

Это была моя собака. Назвала я ее, или, вернее, его, Джерри — по книге Джека Лондона "Джерри и его брат Майкл". Я сама его воспитывала и дрессировала, хотя мне было всего лишь 8 лет, когда мне его подарили. Я читала Дурова и применяла его методы, научила Джерри не только служить и подавать лапу, но прыгать через обруч и искать запрятанные предметы. Мой отец очень полюбил славную собачку, а Джерри сам, кроме нашей семьи, привязался еще к уже упомянутому мною приятелю моего отца художнику Рехенмахеру, который часто бывал у нас. Если вся семья была дома, а

Джерри бежал к двери и начинал вилять хвостом, мы знали, что идет художник.

У меня вообще был хороший контакт с животными. В деревне я не раз помогала выгонять и загонять коров и овец и ездила без седла, подстелив овчинку, верхом на смирных деревенских лошадаках в поле и на водопой.

Но в такое уж проклятое время мы жили, что даже о животных нельзя рассказать, не затронув страшной темы. Гуляев был вскоре после того, как они подарили нам Джерри, арестован. Трудно было себе представить более аполитического человека, чем он со своими гладиолусами. Но и на него пала страшная рука красного террора. Домик у семьи (у них были две дочери) отняли, садик и гладиолусы разорили. Семья, правда, осталась в Пскове. Тогда еще не высылали на 101-й километр.

Когда я была в 7-м классе, стряслась беда над Зиной, становившейся понемногу моей лучшей подругой. Зина была из простой семьи. Ее отец, обрусевший латыш, православный, был членом церковной двадцатки. Для тех, кто уже забыл: власти объявили, что та церковь будет "работать" дальше, для которой найдется 20 человек, желающих ее сохранения. Неопытные люди вместо того, чтобы стараться собрать как можно больше подписей, искали именно 20 человек, наименее угрожаемых, домашних хозяек, простых рабочих. Отец Зины работал ночным сторожем и был уже немолодым. У Зины был старший брат, железнодорожный механик. Но после того как набиралось ровно 20 подписей, одного из этих двадцати арестовывали, оставалось только 19, недостаточно, и церковь закрывали. Все очень просто.

Вот отца Зины и арестовали. В то время уже вошло в практику высылать семьи на 101-й километр. Семья должна была покинуть Псков.

Получив это известие, весь наш класс в большую перемену (20 минут) бегал к Зине. Жили они недалеко от школы. На первом уроке после большой перемены весь класс плакал. Это был как раз урок немецкого языка. Наша учительница, псковская немка Дора Леопольдовна, не знала, что ей делать. Она нам, конечно, сочувствовала, но боялась это показать. Смушенная, она мялась, не зная, как нас успокоить и начать урок. Наконец, класс успокоился и урок пошел своим чередом.

Семье было дано некоторое время, чтобы подготовиться к отъезду. Мать и уже женатый брат Зины продали домик, корову, некоторые вещи, другие уложили для отъезда. Зина в эти дни еще приходила в школу. Она просила нас написать ей что-нибудь на память в альбом. Ученики и ученицы писали все, а

учителя отказывались, боялись, за что мы их неразумно слегка презирали. Написала только наша учительница биологии и химии Елена Александровна Дрессен. Мы тогда не сумели оценить ее мужества. Дора Леопольдовна тоже написала, но не в альбом, а на отдельной открытке и по-немецки. Зина далеко не все поняла, да и я, зная тогда немецкий язык много лучше, не все поняла или не могла разобрать почерк нашей учительницы, теперь уже не помню. Так или иначе, Зина и я подошли в перемену к Доре Леопольдовне и попросили ее помочь нам понять. Но она не помогла нам. Вместо этого она с испуганным лицом пробормотала "ах да, вы ведь не понимаете" и буквально вырвала из рук опешившей Зины открытку, спрятала ее и поспешно убежала. Она, очевидно, уже раскаивалась, что написала эту открытку, ее одолел страх. Не ее надо винить, а ту власть, которая доводит хороших людей и отзывчивых учителей до такого пароксизма страха.

По мере того, как день отъезда семьи Зины приближался, во мне росла уверенность, что они не уедут. Мне было уже 13 лет, и я хорошо понимала, что надеяться не на что. Разумом я понимала, что все кончено, но вопреки разуму в душе росла полная уверенность, что этого не будет. Эта уверенность, я бы сказала, какое-то иррациональное знание, было настолько крепко и ясно, что я не могла горевать. Когда группа наиболее близких Зине соучеников и соучениц в последний день перед отъездом семьи прощалась с ней, многие плакали. Катя, близкая подруга Зины, ставшая потом и моей близкой подругой, рыдала навзрыд, у меня же не было слез. Мне было стыдно казаться такой бесчувственной, но как я могла плакать, если я **знала**, что Зина не уедет?

На другой день меня захватила одна из моих обычных простуд. У меня был жар, и мои заботливые родители не пустили меня в

школу. После обеда раздался звонок, мама пошла открывать, и я услышала ее радостный возглас. Я уже знала, кто пришел. В комнату вошли Катя и Зина. Я не удивилась, только сказала: "Я знала, что не уехала".

Каким-то чудом отца Зины выпустили, семье разрешили остаться. Купившие их домик были порядочными людьми и продали им домик обратно. Они устроились опять на прежнем месте и зажили по старой инерции. Как показало будущее, это было роковой ошибкой.

Пока же жизнь снова вошла в свою колею. "Погружение во тьму" всей страны шло своим чередом, но моего непосредственного окружения временно не касалось. Помню, как после убийства Кирова в каждом номере газеты печатался длинный список расстрелянных (позже Сталин перестал публиковать списки жертв, их стало слишком много), как мой отец хмурился, открывая утром газету. Лицо его заволакивалось темной тенью, но он ничего не говорил.

Мои простуды достигли, между тем, таких размеров, что врачи настаивали на том, чтобы меня взяли из школы до конца года и чтобы я потом повторила 7-й класс, ведь я была самой младшей в классе. Но я запротестовала. Теперь у меня в классе были уже подруги, и я не хотела менять класс. Сошлись на компромиссе: меня на три месяца освободили от школьных занятий для укрепления здоровья. Это были славные зимние месяцы. Я была много на воздухе, каталась на санках, бегала на лыжах, иногда полностью вываливалась в снег и... ни разу не простудилась! Но едва я пошла в школу, все началось сначала. Тем не менее мне ничего не стоило догнать пропущенное за три месяца, и семилетку я кончила, как обычно, с похвальным листом. С 8-го класса началась во многом иная глава моей школьной жизни.

(Продолжение следует)

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Русская Мысль". В № от 7 октября, А. Бородин вкладывает в наши уста, в уста патристической и антикоммунистической части эмиграции, жуткую формулу "N'est point des nostres!", которую в рассказе А. К. Толстого произносят призраки, по поводу затесавшегося в их среду живого человека. На самом же деле, эти слова, "Не наш!", повторяют и применяют на практике вовсе иные круги; а именно, левый сектор новейшей эмиграции, издающий свои **русскоязычные**

органы (в отличие от наших, **русских**) и строго допускающий к общению лишь избранных и подходящих из числа первой эмиграции и практически никого из числа второй.

Не убоимся **мертвых слов** (пользуясь выражением Гумилева), хотя от них и пахнет кладбищем. Для нас **не нашими** являются те, кто принес с собою из СССР отжившую марксистскую идеологию и не умеет или не желает от нее освободиться. И те, кто

против не большевизма, а России. Те же элементы 3-й волны, которые разделяют наши чувства и готовы с нами объединиться в ненависти к большевизму (и всяческому коммунизму!) и в любви к нашей с ними общей родине, мы принимаем с распростертыми объятиями; и они уже значительно усилили и укрепили наши ряды. Легко бы и имена назвать, самых выдающихся. Впрочем, что до наших ближайших союзников, — каждый может их фамилии прочесть в оглавлениях нашего журнала, начиная с его возникновения.

В том же номере А. Радашкевич растекается восторженными комплиментами по адресу Г. Иванова за старую уже книгу "Распад атома". Тот, кто читал (а тем, кто не читал, мы и читать не советуем!) сию мерзостную исповедь талантливого однако поэта, но растленного насквозь эстетическим аморализмом, знает, что это за клоака: детальные описания гнусностей, творящихся по ночам в парижских писсуарах, с настоячивыми, вновь и вновь всплывающими образами мусорной кучи, полной зловонных остатков. Подлинно, не распад атома, а распад личности, смерть и разложение души... Рекламирывать подобные сочинения совсем, совсем бы не стоило! Кстати уточним, что Иванов материально нуждался только в последние годы жизни, а до того (вопреки рисуемой в статье картине) вел существование вполне обеспеченного человека: его жена, И. Одоевцева, получала на содержание себя и его основательные суммы от отца, богатого рижского адвоката.

В чем корни восхищения А. Радашкевича, — разгадать легко. Ему импонирует у Иванова: "Шокировавшее некоторых современников срывание фиговых листков". Конечно, для иных нынешних писателей на Западе и из новейшей эмиграции, — в этом и состоят альфа и омега литературного творчества. Только вот, если не болтать бездумно, а коснуться сути дела: **фиговые листки** являются тем, что отличает человека от животного. И чему радоваться, чем гордиться, когда люди впадают в скотское состояние? Под гору, ясно, всегда проще катиться, чем взбираться вверх. Уместно тут вспомнить рассуждение А. К. Толстого о теории эволюции:

От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть средины.
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.

В чем теперешние **плюралисты** немало и преуспели; оправдывая и дальнейшее замечание поэта об его современниках, каковые:

Норовят в свои же предки.

К несчастью, людям не дано превратиться в зверей, невинных, ибо не имеющих понятия

о грехе: начав скат, существа, одаренные разумом и свободой воли, опускаются **ниже**. **Нигилисты** Толстого стали **бесами** Достоевского. А тот их недаром приравнял к свиньям, в коих вселились остервенелые демоны. Что же, добрый путь в пучину, господи! Не испытываете ли вы эмоции, которые чеховский чиновник излил во фразе: "Чувствую, что превращаюсь в нечистого духа!"

В наши дни, кстати, и определение для подобных промежуточных ситуаций изобретено: **раскованность**, то, что лучше всего выразить немецким словом **Schweinerei** (французское **cochonnerie** или русское **свинство** звучали бы тут слишком слабо).

Во всяком случае, зря вы рассчитываете нас ужаснуть или скандализовать похабными речениями или срамными жестами. Мы на вас смотрим со спокойным презрением и думаем про себя: "Слава Богу, что мы на них не похожи!"

В № от 21 октября, симпатичны воспоминания белоруса М. Кукобаки, сидящего по сей час в советском концлагере, где он провел уже 18 лет. О степени его искренности свидетельствует уже одно то, что, рассказывая о периоде германской оккупации (он в ту пору был еще ребенком), он, в отличие от прочно установившейся у большевиков традиции, не представляет всех немцев исчадием адовым и не описывает специально никаких леденящих кровь ужасов.

"**Синтаксис**" № 22. В статье Н. Кленова "Что такое перестройка?" согласимся целиком с началом: "Так называемая "перестройка" вызвала в нашем обществе некоторые иллюзии, но, главным образом, среди интеллигенции. Народ к ней равнодушен. Поскольку в ближайшем окружении рабочего и крестьянина ничего не меняется, народ справедливо считает, что все это — еще один способ болтать". И с концом: "Независимо от намерений жалких деятелей "перестройки", она объективно **означает** неизбежность настоящей гласности и демократии, **невозможность без них обойтись**. В этом смысле "перестройка" является историческим сдвигом. Когда наши рабовладельцы соблазняют нас свободой, это значит, что они **вынуждены** пользоваться нашим языком. **Но это наш язык, и говорить на нем будем мы**". В середине статьи много всякой ерунды, о коей мы толковать не будем. Боимся, однако, что **мы** Кленова — не совсем то же, что мы бы имели в виду. Во всяком случае, именно процитированные нами куски вызвали (в том же номере) яростные, но вовсе необидительные возражения Ю. Вишневской.

Самое отвратительное в данном выпуске отталкивающего вообще журнала, — статья З. Зиника, вернее его доклад на некой

лиссабонской конференции (с подзаголовком почему-то по-английски). Автор призывает противиться **идеологическим указаниям Бога (!)** Не станем с ним спорить: богоборцы неизменно кончают плохо; история России за последние десятилетия, да и мировая история всех времен это показывают.

Он горячо воюет с мифическим **эмигрантским истаблишментом**. По сути, речь идет просто о том, что доновейшая эмиграция более или менее вся, да и новейшая в массе тоже, явно не желают читать, и тем более уж принимать всерьез декадентские антихудожественные кривляния Зиника, как и таковые его более все же способного ментора, А.Синявского. Насмешки над "великими традициями и гуманистическими идеалами русской литературы" звучат фальшиво. Что, собственно, забавного находит в этом определении одичавший, малокультурный и вчистую лишенный дарования представитель 3-й волны? То, что ему хочется навязать себя публике, — вполне понятно; то, что это ему не удастся и не удастся, — вполне законно. Ну а стилистические выверты и призывы к **провокационным выходкам в литературе**, — они ничему не помогут.

Издательские отзывы о Шолохове за "Тихий Дон" и о романах Солженицына выглядят чрезвычайно глупо. *La liagouchka* (заимствуя термин из книги Зиника "Пантеон"), как бы ни надувалась, с волами не сравняется.

"Наши Вести" №410—411. В статье "Второе крещение русского народа", редактор, Н.Протопопов, так подытоживает достижения красного режима в России: "Каким же матерым руссофобом надо сегодня быть, чтобы на 80-м году советской власти, не отдавать себе отчета в том, что не русский народ, и даже не русские люди, но просто люди, а вернее всего **двуногие, которым на Россию было наплевать**, совершили бесчисленное множество преступлений против человечности, против человечества, и в особенности против самого русского народа. А свое каиново дело осуществляли они и руками русских людей, принуждая их к этому или террором военного коммунизма или такой изобретательной и беспощадной жестокостью, какой не знала еще история человечества. Ведь это они, большевистские изверги, обезглавили Русскую Православную Церковь и, уничтожив миллионы верующих, выпестовали целую армию воинствующих безбожников; это они поставили перед собой задачу, окончательно обезбожив русский народ, превратить Россию в духовно аморфную массу иванов не помнящих родства (в так называемых "гомо советикусов")".

Привлекают внимание два стихотворения А.Бора, "Самодержавие" и "Репортаж". Про-

цитируем начало первого:

Самодержавие, — величие и мощь
Сосредоточены в одном

твоим лишь словом!

Ты справедливый мир воссоздаешь
На правильной Божественной основе.
Твой трон велик!

Твой символ ясно прост!

Он не забыт народными сердцами.

Самодержавие, — ты лучший мост

Между землей и небесами!

"Калифорнийский Вестник" №№93, 94 и 95. Журнал перепечатал рассказ А.Куприна "Болото" (сравнительно слабый и не из лучших у него) и, как бы в сопровождение ему, очерк И.Бунина "Перечитывая Куприна". Эссе это любопытно в качестве примера тому, как писатели пишут о писателях, — и как не следовало бы писать! Бунин сосредотачивается на технике, на деталях литературного ремесла, сурово критикуя своего коллегу за употребление порою банальных приемов и оборотов речи, общепринятых формул, языковых клише и т.п. Между тем, читатель, как правило, ко всему этому равнодушен; ему важнее содержание и впечатление от вещи в целом. Анализом мелочей литераторам лучше бы подобало заниматься в своем кругу, а не перед публикой, которой sie мало интересно.

Обстоятельная статья В.Сенютовича "Полтавский полковник Федор Жученко" рисует ряд увлекательных картин из истории Украины XVII и XVIII веков.

Не лишены интереса исторические очерки Т.Караводиной о шумерийцах, А.Аристовой о смоляных болотах в районе Лос Анжелоса и Г.Каменской о происхождении фамильных имен в России.

Редакция извещает, что журнал закрывается за недостатком сотрудников. Очень некстати! Надо было, полагаем, не ограничивать себя Калифорнией, а искать связей с журналистами в Европе, Южной Америке и дальше. Ведь выходят же повсюду другие журналы и газеты! А многим литераторам даже и печататься негде, хотя весьма даже есть, что сказать публике. И, наконец, сейчас столько интересных материалов поступает из-за Железного Занавеса, в котором образовалось множество дыр.

"Время и Мы" №101. Е.Эткинд поражается, что роман "Жизнь и судьба" опубликован в СССР. И впрямь, ведь у В.Гроссмана выявлено сходство между большевизмом и национал-социализмом. Но, видно, для советской власти это — не самое страшное. А вот Солженицына, — которому некоторые эмигрантские критики противопоставляли Гроссмана, — там печатать не хотят ни в какую. Почему? В чем разница? В том, что Гроссман только обличает, а Солженицын намечает и

выход из положения: моральное возрождение, возврат к истокам. Оттого он для кремлевских узурпаторов и остается неприемлемым, *in saeculo saeculorum*.

И. Шамир объявляет войну журналу "22". Не будем вмешиваться в междоусобные распри. Курьезно, однако, что кое в чем наблюдения Шамира совпадают с нашими, давно уже высказанными. Например, он иронически комментирует: "Майя Каганская выявляет, что вся русская научная фантастика — на самом деле о евреях".

Разбирая миф о Павлике Морозове, Ю. Дружников тщится доказать, будто он был белоруссом, а его де посмертно зачислили в великороссы. Думаем, белоруссы охотно нам уступят **такого** земляка! Навряд ли важно и открытие, что его дед был жандармом: большевики своему юному герою сей грех великодушно извинят. Суть не в этническом или социальном происхождении данной оттапливающей личности, а в том, что она представляет собою тот идеал "советского человека", который правительство СССР и ВКП(б) мечтали и старались сфабриковать.

"Страна и Мир" №5 (47). Выпуск совсем пустой. Б. Парамонов в эссе "Из града Китежа на Брайтон-Бич" пробует воскресить насквозь лживую теорию о том, что будто бы **интеллигенция** не есть "класс образованных людей" или "класс работников умственного труда" (как мы все это слово понимаем), а есть группа вечных революционеров и оппозиционеров, по отношению к любому правительству. Данную превратную схему создали и облюбовали **левые** интеллигенты, в России и за рубежом, возжелавшие себя возвеличить и возвести в сан особой элиты, отстраняя всех своих идейных противников. **Для них** интеллигентами были Радищев, Шедрин и Горький, но не Достоевский, Гоголь и Розанов. Хотя все сознают, что это чушь, а все же бредовая, мертвая концепция, искусственно сооруженная своекорыстной камарильей прошлых лет, продолжает время от времени вставать из могилы, распространяя вокруг себя миазмы тления.

Редакция пытается установить границу между "Хорошими и плохими неформалами" в СССР; что для нее означает, практически, — между левыми и правыми. При всей тенденциозности, даваемые ею сведения не лишены информационной ценности. Выпишем слова М. Талалая, ленинградского деятеля экологического движения: "Я себя давно нашел то время, в котором хотел бы обитать. Это — начало века, которое мне кажется рассветом петербургской культуры, время, когда в нашем городе творили такие объединения художников как "Мир искусства" с Добужинским, Бакстом, Бенуа, культурологи и

историки города, такие, как Анциферов и, конечно, поэты Серебряного Века. Это время — последний всплеск русской культуры, уничтоженной последующими катаклизмами, и мне кажется, потребуется еще немало лет, пока мы приблизимся к усвоению тех богатств, которые оно нам явило. Этому, в меру возможности, служит и моя музыкальная деятельность. Я пишу мелодии на малоизвестные стихи Гумилева, раннего Бунина, Виктора Гофмана, Игоря Северянина, Мережковского и исполняю их на концертах один или в ансамбле со своими друзьями".

"22" №60. Окончание романа А. Татаринова "Русские приключения", хотя и слегка слабее начала, остается на несравненно более высоком уровне, чем все остальное. Воспроизведем слова, обращаемые главным героем ко своим начальникам, советским бюрократам (с уточнением: "Вы, в смысле ваша власть"): "Конечно, я вам враг. Вы вообще не люди. Так, нечисть, гниль болотная".

Что до сочинения М. Зайчика "Воспоминания жизни Семена", мы в чтении дальше второго предложения не пошли. Оно звучит: "Несмотря на имя, внешность у него мужественная, он плечист и, в известном смысле, **яйцист**". Тут нас затошнило, и мы не продолжали; да, видимо и не стоило, судя по беглому взгляду на последующие страницы.

З. Бар-Селла берется раскрыть имя **настоящего** автора "Тихого Дона" (причем — не Крюкова!). Будем не без нетерпения ожидать окончания его этюда. Покамест он приводит только доводы **неавторства** Шолохова, — веские, но не решающие.

Заслуживает рассмотрения большая статья Б. Орлова "Россия без евреев". В ней весьма убедительно показано, что евреям не следовало участвовать в революции, ибо "эволюционный путь развития России" являлся "единственным, способным обеспечить перестройку ее общественного уклада и государственного порядка в либеральном направлении". В наши дни Орлов наблюдает в СССР "процесс возвращения к русским национальным традициям и историческим формам устройства государства". Непонятно только, отчего у него чувствуется враждебность к подобному развитию событий? Видимо, он его считает неблагоприятным для евреев. Но сие сомнительно; ведь он сам признает, что: "Российская Империя была самой демократической монархией в мире". Да и расценивать идущую в России эволюцию надо бы все же с точки зрения, в первую очередь, русского народа. И, во всяком случае, противиться ходу истории бесполезно. Притом, почему считать русское национальное движение за зло, — тогда как все другие национальные движения мировая обществен-

ность приемлет как законные и справедливые?

О чем бы не хотелось говорить, но что и обойти молчанием невозможно, это — горящая жгучей злобой рецензия М. Гробмана на парижский журнал "Беседа". Ненависть обозревателя направлена сперва на крестьящихся евреев, затем на православие, а там и на всех христиан. Поразительно, в своем роде! Наши леваки и плюралисты кричат о неограниченной свободе во всем. А вот свободу веры не допускают, и явно готовы бы заново зажечь костры Торквемады. Хотя уж тут, — на что бы жаловаться? Всем известно, что православие чуждо прозелитизму, и никаких выгод переход в него в советской России не сулит. Значит, у людей, которых Гробман поливает грязными помоями, были бескорыстные и искренние побуждения.

Ну а вот что он думает о христианах in сопроге, вот каким языком он с нами разговаривает: "Христианская цивилизация — это цивилизация слепых. Христиане, заимствуя у иудеев их священные книги, не стали от того иудеями, но и от своего, онтогенического, они тоже ушли. Тут вам и преступление и наказание в одном лице. А не воруй!"

Концепция чисто **племенного** Бога, покровительствующего **одному** народу и безразличного или враждебного ко всем другим, находится на уровне готтентотского мышления (впрочем, не надо клеветать на готтентотов: они так не думали). Если же Бог един для всех, — допустимо ли Его волю скрывать от остального человечества и присваивать своей специфической национальности? По Гробману, Библия имеет смысл лишь на иврите, и христиане ее не понимают. Он забывает, что со времен Ренессанса христианские богословы всех исповеданий изучают древнееврейский язык и читают Ветхий Завет в подлиннике. Не станем повторять гнусные хулы Гробмана на Христа; не станем их и оспаривать. Всевышний сам сумеет покарать оскорбляющих его Единородного Сына. О них есть сказано "Страшно впасть в руки Бога Живого"... Подчеркнем однако крайнюю непоследовательность разглагольствований о том, что христианство вышло де из ортодоксального иудаизма; коли так, где же **воровство**? Тогда Библия есть наше законное наследие.

В осатанелое бешенство привело рецензента утверждение В. Аксютца: "Создателями современной цивилизации были по преимуществу христианские народы". Но как же отрицать очевидность?

М. Гробман печатно сообщал, что ходит на деревянной ноге. Не деревянная ли у него голова на плечах, и из какого материала сделаны мозги? Удивляет редакция журнала, вознамерившаяся бросить вызов на бой не

одним русским, а всему христианскому миру, непристойно глумясь над его верой, распространенной как никак по всему земному шару, и отнюдь не в виде **категории музейной**, как представляется Гробману. Что ж: "Как аукнется, так и откликнется!"

Изумила нас транскрипция **книга Йова** (вместо **Иова**). Такого мы еще не видали (и предпочли бы не видеть).

Специальное любопытство вызывает сообщение, будто Пушкин изучал иврит. Тут нет ничего невозможного. Однако, мы никогда и нигде не встречали про то упоминаний. Если г-н Гробман располагает на сей счет конкретными сведениями, — почему бы ему не поделиться своими открытиями с профессиональными пушкинистами?

"Форум" №19. Журнал не прекратился (как были слухи); а жаль! Теперь он целиком посвящен рекламированию и воспеванию Горбачева. Не лишены фактической ценности 2 статьи Р. Медведева: "Новые критики Сталина и сталинизма в СССР" и "Политическая смерть Л.И. Брежнева". Отталкивающее впечатление производит доклад (прочитанный в Париже) Н. Эйдельмана "Проблемы и загадки политической истории России" с поношениями России и угодливым превозношением Запада. Мало нам было Кюстина и всяческих Покровских... Ни правда, ни объективности тут и не ночевали. Ну да мы уж привыкли к клевете на нашу родину и наш народ.

"СССР: Внутренние Противоречия" №21. Наиболее интересная статья В. Сойфера "Второе падение Лысенко", содержание которой частично выражено в эпиграфе из Достоевского: "В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки... я говорю лишь про сволочь".

Л. Алексеева продолжает бичевать "Память" за антисемитизм, теперь уже не ссылаясь хотя бы и на Е. Лосото, а просто — из головы.

Некий Филимонов, — не имеющий, очевидно, ни имени, ни даже инициалов, — представляется нам как **патриот своего отечества** (согласно безграмотной советской формуле), а затем вываливает на Россию горы пакостей. "Русская душа — 1000-летняя раба" — почтительно цитирует он В. Гроссман; и продолжает: "Как известно, труд на Руси в течение долгих столетий был почти тотально несвободен"; отсюда мол "слабое развитие нормальной трудовой этики". Радон: даже крепостной крестьянин имел свое хозяйство, где работал на себя; а значительная часть русских крестьян крепостными никогда не была; не говоря уж о мещанах. И в прежние-то годы русские люди умели работать не хуже никого: топором ажурные узоры выводили; церкви без гвоздей строили. Вот

теперь, — не столетия, слава Богу, а десятилетия (с установления большевизма) — они рабы; потому, понятно и естественно, и стараться на угнетателей не хотят.

Ф. Чалидзе довольно дельно резюмирует основные экологические проблемы в СССР. Остается чувство: да, много нагадили и напортили большевики! Но вряд ли — не поправимо; лишь бы их спихнуть, — и жизнь вновь восторжествует над смертью.

"Вестник Р.Х.Д." №153. Н. Струве справедливо критикует Е. Эткинда, находя удачную формулу для определения его сущности: "В ленинском духе". Взвесим: когда в СССР литератор ссылается на Ильича, то с понятной целью сделать свои мнения проходимыми в печати; а вот ежели за границей **эмигрант** провозглашает себя ленинцем, — как не испытывать гадливости? Но Струве о нем выражается сверхделикатно, доходя аж до угодливости: "Проф. Эткинд, литературовед, отлично знающий европейскую литературу..." Позвольте, да из чего это видно? Прوماхи и ошибки, непрестанно брызжущие из-под пера г-на Эткинда (которые мы уж устали и перечислять...) говорят о совсем обратном. И почему (цитируем дальше Струве): "Фридрих Горенштейн безусловно хороший писатель"? Его книга "Псалом" в литературном отношении вовсе слаба (даже горенштейновский единомышленник Б. Хазанов отметил ее недостатки), а переполняющая ее руссофобия никак уж не заслуживает похвал. Впрочем, присоединимся к конечному заключению редактора "Вестника": "Уж лучше оставил бы проф. Эткинд библейскую мудрость в стороне от своей ленинской по духу статьи".

Что до стиля дискуссии, — может быть, Никита Алексеевич по натуре человек мягкий и притом хорошо воспитанный и резко спорить не любит или не умеет? Увы, еще не закрыв журнал, убеждаешься в противном, прочитав его возражения на помещенное здесь же письмо в редакцию протоиерея Петра Перекрестова "О судьбе Зарубежной Церкви".

Высказывания о. Петра трогают своим умеренным и серьезным тоном, готовностью признать недостатки и ошибки (не столь уж и большие, на деле-то!) в работе Зарубежной Церкви и чутко прислушаться даже к голосу противников: "Внешняя изоляция Русской Православной Церкви за границей определялась не гордым осуждением других, а скорбью о переменах и модернизации многих Поместных Церквей, с одной стороны, и желанием сохранить то, что было ей вручено Господом, с другой... За каждой литургией в наших храмах читается особая "Молитва о спасении России". В наших храмах открыто молятся о заключенных, умученных и убиенных, за

которых не смеют открыто молиться в Советской России... Путь нашей Церкви узкий и тернистый. Мы часто чувствуем и одиночество, и непонимание. Нас называют отсталыми за то, что мы придерживаемся традиционного православия и стараемся удерживать свою паству в благочестии. Нас и в политиканстве обвиняли, когда наша Церковь прославила святых Новомучеников и Исповедников Российских, — но неужели мы не начинаем видеть конкретные плоды молитв наших Новомучеников на нашей многострадальной Родине? Почему нашу маленькую бедную Церковь не могут оставить в покое? Кому она мешает, чью совесть терзает, чьи глаза мозолит? Наши архиереи скромные монахи, разделяющие материальные и духовные тяжести своего малого стада. Почему не упускается случай нас задеть, оклеветать? Почему в Советском Союзе о нашей Церкви и о нашей духовной крепости, Св. Троицком монастыре в Джорданвилле печатаются целые книги с нападками?"

До чего пошло звучат рядом с этими достойными, благородными словами злые, обидные выкрики г-на Струве, с первых же строк своей "Реплики" (и заглавие-то уже какое...) снижающего собеседование до уровня базарной перебранки! Послушаем его: "О. Петр Перекрестов пытается защищать "Зарубежную Церковь" (т.е. Синодальную или Карловацкую юрисдикцию). Возобновлять юрисдикционную полемику во всем ее объеме нет ни причин, ни смысла". Оценим ядовитые кавычки (которыми всегда так ловко умела оперировать советская власть) и кличку **Карловацкая юрисдикция**, используемую в виде ругательства, стремление свести речь к каноническим проблемам (непонятым рядовому читателю и, впрочем, не разбираемым по сути дела) и обойти ключевые моральные и духовные вопросы. К этому затем добавляется еще и следующее: "Основная неправда "карловацкой юрисдикции" заключалась в том, что она изначально придала имени "русской" большее значение (или большее ударение), чем имени Христовой". Учтем, в каком оскорбительном, принижающем контексте употребляется тут слово **русский** (чем не г-жа Иловайская, которой, как известно: "Стыдно быть русской"?). А кто сказал, будто надо выбирать между Христом и Россией? Что отрекаясь от страдающей отчизны мы приближаемся ко Христу? Как бы взглянули на сии мудрствования национальные наши святые от Сергия Радонежского до Иоанна Кронштадтского? Что сказал бы игумен Даниил, поставивший в Святой Земле свечу за Землю Русскую?"

Ну, а потом читаем про "цепь политических действий, из которых далеко не все отличались дальновидностью" (приписываемую "карлов-

чанам"). — А что было дальновидностью? Хождение митрополита Евлогия в советское посольство? Американская автокефалия? Подчинение грекам? Мы бы все это скорее назвали примерами близорукости. Истерика идет crescendo, и возникает страшная фраза: "Все оправдание "Зарубежная Церковь" основана на бескомпромиссности по отношению к коммунистической власти, как к источнику, чуть ли не единственному всего мирового зла". (А разве же это не правда?!). Сие, видите ли, "манихейство", ибо "ныне советская власть перестает быть открыто богоборческой". Дурную дорожку избрал г-н Струве! Не видно у него здравого смысла; а уж христианство здесь и рядом не лежало! Не станем вникать в его страстную апологию модернизму и экуменизму. Сии движения, каковы бы ни были их положительные стороны (если есть...) плохо примиримы с православием. По крайней мере, с **православием**. А la Russe, по адресу какового просвещенный европеец г-н Струве презрительно хихикает.

Навряд ли все это одобрит потомство, да и верующие в России. Впрочем, о чувствах сих последних можно судить по процитированному о. Петром письму оттуда к одному из архиереев Синодальной Церкви: "Для нас все Вы — частица той настоящей России, которая, как свеча при иконе пламенея вызывает к нашей совести, приводит к покаянию, вселяет надежду".

Среди набора "Мыслей о тысячелетии" разных авторов (из коих многие городят вздор) выделяются **мысли** протоиерея Георгия Сидоренко: "Чувство благодарности Богу. Радость, что мой народ православный. Еще больше молитв о России. Еще больше помощи ей, чем и как только можем. Еще более глубокое осознание тяжести сегодняшнего положения на Родине, тяжести положения — в смысле исповедания веры — большинства ее граждан, особенно учащихся и учащихся, а также военных и государственных служащих... Чувство радости моей принадлежности к русскому народу". Как видно, о. Георгий не во всем разделяет воззрения г-на Струве и г-жи Иловойской.

Кидаемся на статью А. Солженицына, давненько не печатавшегося в "Вестнике", и — разочарование! Мы ждали отклика на текущие события, на перестройку, гласность, "Память", — а перед нами академическое исследование о французской революции. Тоже, конечно, интересно. Хотя, — главным образом для живущих в СССР. За границей-то, тем паче во Франции, мы завалены литературой про эту эпоху, с разных точек зрения. Скажем, — не расходясь с автором, — что сравнивать ту революцию с нашей законно в общих чертах, — и бессмысленно в деталях.

Строго осуждая королевский режим, Солженицын полностью следует представлениям, принятым в Советском Союзе и в среде левой интеллигенции на Западе. А современные историки многое в этой области пересмотрели. Отметим у него и некоторые фактические ошибки. Каррье в Нанте топил отнюдь не **трупы**; единичным жертвам организованных им *pouades* удалось даже спастись и позже обличить его зверства. Очень мало внимания уделено Вандее; а она ведь бросает свет на подлинное отношение крестьян к прежнему строю, — и к революционному. **Шуаны** действовали первоначально в Бретани, — и лишь эпизодически в Нормандии. **Централизации** в старой Франции было мало, а самоуправление провинций — широкое; иное дело **после** переворота. Представлять себе Францию (да еще в XVIII в.) односторонним монолитом не вполне верно: баски, бретонцы, эльзасцы и фламандцы были в те времена абсолютно иными народностями, чем французы; гасконцы и провансальцы более отличны от французов, чем украинцы от великороссов; что уж и говорить о Корсике!

Никак не можем согласиться с Александром Исаевичем, будто непредрешенные лозунги были полезны Белому Движению! Они-то его и погубили; вместо чем о царе, народу говорили об Учредительном Собрании, никому не нужном, непонятном и чуждом. Как же это могло пробудить энтузиазм?

Режет глаз сочетание **Алексис Токвиль**, вместо **Алексис де Токвиль**. Французская *particule de noblesse* никогда не опускается между именем и фамилией, также как и между титулом (каким бы то ни было) и фамилией; это правило строго соблюдалось и в России, даже советской, пока там не наступило одичание в результате массового истребления интеллигенции: **Рене де Шатобриан**, **Анри де Ренье**; **граф де Гиш**, **виконт де Бражелон**, г-н (или **мсье**) **де Прео**. Напротив, взятая отдельно, фамилия автоматически теряет приставку: **воспоминания Сен-Симона**, **стихи Виньи**; сказать **рассказы де Мопассана** или **поэма де Мюссе** звучало бы нелепо.

Наводит на сомнения упоминание, что Александра Федоровна **холила** портрет Марии Антуанетты. По внутренним законам нашего языка, **холить** можно живое существо (ребенка, собачку) или, метафорически, какую-либо часть человеческого тела (руки, бороду); неодушевленный же предмет — только "беречь" либо "хранить".

Злокозненной — и потенциально вреднейшей! — является статья М. Широкого "Перестройка", где автор, через нагромождение кусков правды и полуправды (опровержение якобы русского происхождения тоталитариз-

ма, разоблачение антинационального духа большевизма) приходит к совершенно несостоятельным выводам, постулируя желательность и неизбежность расчленения России. Натурально, тут всплывают разного рода натяжки и передержки. Начиная с того, что о **колониях** России столь же нелепо было бы говорить, как было бы объявлять **колониями** Австрии Богемию или Боснию. Пускаются в ход уже не новые приемы: запугивание нас ростом мусульманского населения и падением рождаемости у славян. Но в чем беда, если мусульман будет столько же или даже больше, чем славян? А число последних, как показывают компетентные демографы, включая С. Максудова, все же не снижается, а растет. Дается как аксиома невозможность сосуществования в одном государстве магометан и христиан; а они **веками** мирно сосуществовали в Российской Империи.

Россию предлагается сперва урезать до пределов бывшего Московского Княжества, а потом включить в федерацию с Украиной и Белоруссией. На деле, именно среди украинцев есть наиболее горячие сепаратисты; тогда как Средняя Азия (сам Широкий признает!) ничуть не стремится к отделению. Откуда взялось славянобесие, ударяющее ныне в голову многим шовинистам в Зарубежии и отчасти в Советском Союзе? Коли на то пошло, надо допустить, что такие области как Закарпатская Украина, никогда не принадлежавшие к Российской Империи и захваченные Советами лишь после второй мировой войны, куда слабее связаны с метрополией, чем, скажем, казанские татары, ставшие российскими подданными со времен Иоанна Грозного.

Возмутительнее всего — покушение Широкого представить как цель русского патриотического движения отключение всех иных народов и создание однопационального великороссского государства! Так мыслить могут одни изменники, а никак не патриоты; и **такие** идеи — на пользу только нашим врагам (и не ими ли инспирируются?). Россия испокон была и должна остаться, если хочет жить, многонациональным объединением.

"Грани" № 149. Литературный отдел слабоват: и рассказ А. Койта "Битые собаки", и стихи Ю. Кублановского.

Е. Вертлиб анализирует творчество В. Шукшина, пускаясь в такие тонкости, что остаешься вовсе дезориентированным. Хотя с общей-то его линией апологии деревенщиков можно вполне согласиться.

Опубликованные тут письма Деникина, в период с 1939 по 1946 год, — главным образом, П. Колтышеву, — делают генералу честь в том отношении, что он ни на минуту не поддался совпатриотизму и неумолимо

осудил митрополита Евлогия и К^о за **хождение в Каноссу**. Но в скверном виде предстает Колтышев, говоривший о нас, новых эмигрантах: "Кто не был предателем, тому ничего не сделают", и целиком подпавший красному угару.

А. Федосеев использует рецензирование книги Д. Штурман "Городу и миру" для пропаганды своих излюбленных идей, включая переделку России на манер Швейцарии.

И. Муравьева живо и толково разбирает советские фильмы "Мой друг Иван Лапшин" и "Комиссар".

В увлекательном как детективный рассказ очерке "Юрий Кондратюк", М. Поповский восстанавливает биографию ученого, близкого по масштабу к Циолковскому, специалиста по теории космонавтики, о котором сведения невероятно скудны, и приходит к заключению, что под именем Кондратюка скрывался в СССР дворянин и белогвардеец Александр Шамрай. Заодно он убедительно опровергает версию З. Вольфсона, будто речь шла об еврее Самуиле Шингере, присвоившем якобы документы белого офицера Кондратюка. Исчерпывающим доводом является (помимо прочих) следующий: "При вступлении красных частей в украинский город еврей безо всяких бумаг был значительно в большей безопасности, нежели тот, кто предъявил бы документ офицера Белой Армии. По логике вещей такого скорее всего поставили бы тут же к стенке".

"Беларускі Голас" № 345. Газета рассказывает, с фотографиями, об ужасах Куропатского леса под Минском, где обнаружены могилы более чем 500 жертв чекистских злодеяний: добавляя, что и другие еще найдены на территории Белоруссии. Без сомнения, и по всей нашей стране.

От тайги до западных морей, раскиданы страшные следы каиновой работы большевиков. В кровавых могилах этих лежат вперемежку кости мучеников из всех народов России, да немало и иностранцев. Протицируем заодно из того же номера и стихи подсоветского белорусского поэта Павла Прудникова о советском строительстве:

Колькі шпалау тут, столькі галоу
Мы наклали на пройдзеннай трасе.

"Вече" № 31. Перепечатано из "Нашего Современника" прекрасное стихотворение С. Куняева "Размышления на Старом Арбате". Решительно, Куняев — один из лучших сейчас поэтов России, и притом — поэт глубокой мысли:

Наша возникшая разом элита,
грозного времени нервная свита,
как вам в тридцатые годы спалось?
Вы танцевали танго и чарльстоны,
чтоб заглушить беломорские стоны:
треснула с хрустом крестьянская кость.

Превосходно эссе В. Вулич "Миф Бориса Хазанова". Начав цитировать, трудно остановиться: хочется переписать все целиком: "Б. Хазанов повторяет уже сказанное. И это же делает он в "Мифе Россия". Все, что он говорит в этой книге, — существовало на рынке давно, было уже бесконечное количество раз сказано, — и по большей части даже "хором", то ли историками определенного направления, то ли людьми определенного лагеря... По грустной аналогии вспоминаешь книгу нацистского идеолога А. Розенберга — "Миф XX века". Содержанием этого мифа было высокомерное надругательство над Россией, ее историей и культурой*. Аналогия эта всплывает в мозгу не случайно. Книга Хазанова во многом напоминает книгу Розенберга... "Миф Россия" — не книга, разоблачающая коммунизм. Но — обвинение исторической России. При этом, обвиняя во всем Россию, не только снимается ответственность с главных виновников, но и предоставляется алиби идеологии!"

Интересна статья А. Б. Б. "Русско-еврейские отношения", дающая объективную историческую картину этих отношений и намекающая пути разрешения существующих проблем.

Обильные материалы, взятые из издающихся в СССР журналов и бюллетеней, в высшей степени ценны в роли источника осведомления. Но надо бы четко выражать принцип, что мы не во всем солидаризуемся с авторами; они, по условиям жизни, неполные свободны, недостаточно информированы и часто в плену ложных представлений. Примером может служить статья Г. Анищенко "Выбор", выдвигающая смелые историософские построения, в коих верные мысли перемешаны с совершенно неверными.

Некоторые авторы требуют возвращения Солженицыну советского гражданства. Но нужно ли оно ему? Мы все помним как трудно было от этого проклятого гражданства освободиться; а оно влекло выдачу большевикам на смерть и муки!

"Бей меня, но выслушай!" — говорил какой-то греческий философ. Выслушаем же и Д. Васильева; хотя в эмиграции установился канон членов "Памяти" ругать, не слушая и

*Это не совсем верно. Книга "Миф XX столетия" А. Розенберга посвящена преимущественно "низвержению" католической церкви. Ее Розенберг ненавидит горячей ненавистью, а о России он говорит мало. Согласно расовой теории он считает, что большевизм — взрыв низшей расы против аристократии, которая и в России состояла преимущественно из представителей высшей расы. Нападает Розенберг преимущественно не на русских и не на евреев, а на "средиземноморскую расу" (?), на которую по его мнению опирается католическая церковь — главный предмет его ненависти. (Прим. В. Пирожковой).

ссылаясь на единственный непрекаемый авторитет Е. Лосото: "Цель нашего движения — возрождение русского национального самосознания, национальной истории, национальной культуры в содружестве со всеми народами, населяющими нашу страну... Ложь началась с убийства Царской Семьи, с уничтожения ни в чем неповинного Цесаревича, Великих княжен-девочек, тоже ни в чем не повинных. А затем началось распятие самого народа, всей страны, всего отечества в целом... Мы видим, куда нас вели наши руководители на протяжении 70 лет и куда они нас завели. Кроме огромных разрушений и уничтожения национальной культуры похвастать они ничем не могут... Я люблю свою родину и я буду за нее драться здесь. Я за всех: за татар, за евреев, за казахов, но только чтобы никто не посягал друг на друга, никто не глумился друг над другом, а все свято уважали историю и культуру каждого народа. В этом и заключается культура нации... С русскими людьми, проживающими сейчас за рубежом, цели и задачи у нас одни".

Может быть, эти взгляды для кого-либо из читателей неприемлемы. Что до нас, мы не видим, что тут можно возразить?*

"Континент" № 57. Этот журнал утратил свой *raison d'être*, свое право на существование. Он стоял на позиции умеренной критики большевизма (и отнюдь не коммунизма в целом!) и сейчас далеко отстал от подсоветской печати, где беспощадно разоблачают Сталина и нередко, выходя за рамки критики **культы личности**, освещают темные стороны красного режима. Не оттого ли редактор "Континента" и его соратники (Н. Тюльпинов, И. Муравьева и др.) свирепо бичуют не уцелевших еще сталинистов (вроде, скажем, Е. Лосото), а совсем наоборот: весь спектр наиболее рьяных антисталинцев?

Влетает наравне горбачевцу С. Залыгину, ревнителю ленинских заветов А. Рыбакову, и почвенникам, сотрудникам "Нашего Современника". (Еще страннее, что особая злость, и часто явно несправедливая, сосредоточена именно на сих последних!)

Навряд ли разумна позиция В. Максимова, выражаемая им не только на страницах собственного журнала, а и везде, где можно. В условиях войны перебежчиков следует принимать благожелательно; оно и человечнее, и намного выгоднее. Так и с людьми, кто отходит от Сталина и тем приближается к нам. Тем, которые, допустим, искренне верили в Вождя, а потом прозрели, надо простить. Тем, которые в душе его всегда

*На эту цитату возразить нечего, но меморандум, распространявшийся под именем "Памяти", неприемлем, о чем мы писали в № 50. (Прим. ред.)

ненавидели, но боялись, и лгали, чтобы выжить, а теперь, когда повеял иной ветер, осмелели и стали говорить искренне, — простим тем более. Даже тем, кто прежде и сейчас держал и держит нос по ветру, — лучше простить (презрение сохраним внутри себя). Исключим таких, кто доносил, выдавал, кто судил и физически уничтожал. Ну, а подписи под письмами, — кто их не ставил, и какое значение они имели?

А Максимов требует специальных, публичных и унижительных покаяний. Зачем?! Раз человек в печати отрекается от прежних, тоже гласно выраженных убеждений, — разве не довольно? Мы, которые не лгали и не приспособлялись, и ни с трибуны, ни печатно Великого Отца Народов не восхваляли, — мы считаем себя больше вправе прощать и отпускать вины, чем г-н Максимов, каковой и сам не без греха.

Наводит на сомнения и некий обязательный набор подлежащих отныне почитанию писателей, выдвигаемый континентовцами. В него входят: А.Платонов, М.Булгаков, Б.Пастернак и (со скрипом) М.Зощенко. Н.Тюльпин до того доходит, что громит "Наш Современник" за одно то, что там не возвеличивают и не превозносят Платонова. Не подобало ли бы оставить публике и критикам свободу выбора, вместо чем заменять одни навязанные свыше авторитеты другими? Даже Чернышевский допускал, что кто любит кислую капусту, а кто и не любит! Да и не было ли бы уместно подвергнуть оный список ревизии? Идеи Платонова вращались вокруг идеального коммунизма; моральная его физиономия, — если верить разоблачениям Б.Парамонова, — не стояла на высоте; а что до гражданских добродетелей, — он не хуже других подмахивал требования о расстрелах и пытках. Булгаков, при всех его заслугах, трудно примирим с православием. Пастернак под конец жизни расстался с революционными заблуждениями ранних лет. Но стихи его, так или иначе, понятны лишь немногим литературным гурманам; он в моде в наши дни, — но выдержит ли мода испытание

временем? Почему бы не заменить эти имена таковыми, например, Ахматовой, Цветаевой, Грина, а из более поздних Ю. Домбровского, которые не притворялись и не приспособлялись?

Привлекает внимание факт, что "Континент" ошетинивается и готов кинуться в бой при любом упоминании о масонах; то же самое, с оттенком истерики, и "Вестник Р.Х.Д." Нам кажется, что Братство Вольных Каменщиков есть организация могущественная и очень богатая. Неужели она не в силах выступить сама и с открытым забралом, а принуждена давать мандат на защиту своих интересов второстепенным русским журналам за границей? Но уж коли они такой мандат имеют, пускай бы (вместо чем кипеть негодованием) изложили цели и планы масонства применительно к России; вот мы и смогли бы судить, насколько с данной программой стоит согласиться.

Любопытны воспоминания Л.Аренс о М.Волошине. Только, конечно, в представленной в Коктебеле шараде, пили не **ель**, а **"эль"**. Вспомним популярную некогда в СССР "Ирландскую застольную песню":

Друзья, подыдем добрый эль,

Поставим грог на стол!

О литературном отделе толковать не хочется; пусть читатель нас извинит. Отметим все же, что А.Зиновьев безобразно издевается над религиозным возрождением в России; а В.Максимов плетет нечто нудно-тягучее. А ведь был у человека талант! Но он его зарыл безнадежно глубоко...

P.S. В прошлом обзоре ("ГЗ" №51) я ссылаясь на писателя (и художника) Н.Н.Каразина, автора романов и рассказов о Средней Азии. В процессе печатания он превратился... в **Карамзина**! Хотя великий историк тут был абсолютно не при чем... **Такие** вот опечатки — хуже всего. Между мною и читателями натягивается деформирующая пелена, против которой я бессилен что бы то ни было сделать.

В английской цитате из Ловкрафта надо поправить **crowl** на **crawl**.

В. ЗАРУБИН

ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ

Лазарь Каганович еще жив, но он забыт, о нем редко вспоминают. Он никогда не привлекался к суду.

В Большой 30-томной Советской Энциклопедии от 1973 года о Кагановиче ни слова!

А правду о кровавом палаче нужно знать и никогда не забывать!

Сапожник по профессии, он был правой

рукой Сталина, сына сапожника, и правил страной.

Каганович родился в 1893 году в местечке Кабаны Киевской губернии. Он происходит из бедной еврейской семьи. Остался недоучкой, прервав в школе учение, он изучил ремесло сапожника. Работал в разных местах сапожником, в 1911 г. примкнул к большевикам. Трое братьев Кагановича тоже

стали большевиками, а старший из них, Михаил, вступил в партию большевиков еще в 1905 г. Партия послала Лазаря организовывать нелегальные кружки и профсоюзы кожевников и сапожников.

Во время своей партийной деятельности он познакомился на Украине с Никитой Хрущевым. Весной 1917 г. Кагановича призывали в армию. Октябрьскую революцию он встретил в Гомеле, где и руководил созданием советской власти. Он был избран членом Учредительного собрания по списку большевиков и был направлен в Петроград. Во время Гражданской войны он действовал на южном фронте, где боролся против конницы генералов Белой армии Шкуро и Мамонтова. После того как Красная армия заняла Воронеж, Каганович был назначен председателем губернского ревкома и губисполкома Воронежской губернии. По всей вероятности, тогда и произошло его знакомство со Сталиным. Потом он был направлен в Среднюю Азию на руководящую партийную работу.

Сталин призвал Кагановича в Москву и назначил его на руководящие и ответственные посты в системе аппарата ЦК. Каганович стал лояльным и верным помощником Сталина и по рекомендации последнего был избран секретарем ЦК РКП(б). Через год, после смерти Ленина, в 1925 году, Каганович становится генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины. Он зарекомендовал себя жестоким и безжалостным партийным работником, что вызвало оппозицию остальных партийных руководителей Украины, которые требовали отзыва Кагановича с Украины в Москву. Сталин был доволен работой Кагановича, но все-таки ему пришлось возвратить его в Москву, где он снова стал секретарем ЦК, а потом первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии и членом Политбюро ЦК ВКП(б).

К началу тридцатых годов Каганович стал фактически вторым человеком в руководстве партии. Когда в стране ввели орден Ленина, Каганович был одним из первых, кто был награжден этим высоким знаком отличия. В 1933 году началась очередная чистка партии, Каганович стал председателем Центральной комиссии по проведению этой чистки.

После XVII съезда партии Лазарь Каганович стал и председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Как председатель организационного комитета по проведению XVII съезда партии он устроил фальсификацию результатов тайного голосования в ЦК ВКП(б), уничтожив около 300 бюллетеней, в которых была вычеркнута фамилия Сталина. Эта помощь Сталину остаться и дальше у власти не была никогда забыта.

Таким образом сапожник у власти смог приняться за коренное преобразование Мос-

квы. Большинство возникавших в связи с этой работой по уничтожению русской культуры и зодчества вопросов Каганович решал единолично. Таким образом по его прямому приказу был взорван грандиозный храм Христа-Спасителя. Храм был построен по воле Императора Александра I в знак благодарности за избавление России от наполеоновского нашествия. Средства собирались годами по всей России. Это были кружечные сборы. Храм — памятник Отечественной войне 1812 года, был настоящим архитектурным чудом со стенами толщиной более трех метров. На позолоту куполов и креста пошло более 25 пудов золота, храм расписывали годами 38 знаменитейших художников, в том числе П. Басин, В. Верещагин, Н. Горбунов, И. Крамской, Н. Лавров, В. Маковский, Г. Седов, В. Суриков и многие другие.

На месте храма Христа-Спасителя предполагалось построить Дворец советов. Он никогда не был построен. На его месте сегодня плавательный бассейн. Кроме того, по приказу Кагановича был разрушен Страстной монастырь, на месте которого сегодня стоит кинотеатр "Россия", были снесены Чудов и Вознесенские монастыри в Кремле, церковь Успения на Покровке, Иверские ворота, Иверская часовня и знаменитая Сухарева башня. Были разрушены сотни других храмов и памятников старины для искоренения "реакционной поповщины".

В то же самое время началось строительство Московского метрополитена, названного именем Л. М. Кагановича.

Лазарь Каганович был одной из ведущих личностей страшной чистки 1936–1939 гг. Он руководил в Москве репрессиями. При расследовании, которые проводились после XX съезда КПСС, были обнаружены десятки писем Кагановича в НКВД со списками множества людей, которых Каганович требовал арестовать.

По прямому поручению Сталина Каганович выезжал в различные районы страны для проведения жестоких карательных акций. Под прямым руководством Кагановича была проведена кровавая чистка на Дону.

Когда транспорт стал проблемой номер один, Каганович назначается наркомом путей сообщения. Он сумел в короткое время наладить работу железных дорог, но методы были грубы и жестоки. Во время войны он и дальше был ответствен за бесперебойную работу транспорта. В конце войны он назначается министром промышленности строительных материалов.

В 1947 году Каганович был направлен Сталиным на Украину в качестве первого секретаря КПУ. Здесь у него произошел первый конфликт с Хрущевым, который был "хозяином" Украины.

После смерти Сталина его влияние не уменьшилось. Он вошел в более узкий состав Президиума ЦК и был заместителем председателя Совета министров СССР.

Когда Хрущев решил разделаться с наследием Сталина, Каганович решительно протестовал против намерения Хрущева доложить делегатам XX съезда партии о преступлениях Сталина. Это понятно, ибо сам Каганович был замешан почти во всех преступлениях Сталина.

"Антипартийная" группа в составе Кагановича, Молотова, Маленкова и "примкнувшего к ним Шепилова" была выведена из состава Президиума ЦК КПСС, их оппозиция против реабилитации миллионов заключенных закончилась полным поражением.

Каганович был сослан на руководящий пост в Соликамск, где провел четыре года. Затем он был исключен из партии. После снятия Хрущева с его постов, Каганович подал заявление с просьбой восстановить его членство в партии. Но Президиум ЦК отказал в его ходатайстве.

Началась жизнь беспартийного пенсионера. Живя в Москве, он имел маленькую пенсию, но несмотря на все был достаточно обеспечен.

Имея крепкий организм, Каганович пере-

жил свою жену и всех родственников. Только его дочь Майя жива и нежно заботится об отце.

"Сталинский нарком" Лазарь Моисеевич не помог своему брату Михаилу, который стал в 1940 году жертвой шпиономании и был снят с поста министра авиационной промышленности и перед арестом застрелился. Во времена Хрущева Михаила Кагановича реабилитировали посмертно.

Сейчас, когда общество "Мемориал" при полной поддержке ЦК КПСС и КГБ реабилитирует тех палачей, которые были репрессированы Сталиным, о Кагановиче забыли.

А несмотря на его возраст, справедливости ради нужно было бы его привлечь за совершенные им преступления к ответственности.

Справедливость еще не восторжествовала. Гитлер застрелился, но в Нюрнберге судили всех его приспешников и многих из них повесили. По всей вероятности, один из кровавейших преступников двадцатого века — Лазарь Моисеевич Каганович умрет своей смертью.

P.S. Следующий очерк будет о Л. Берии.

Юзеф МАЦКЕВИЧ

КАТЫНЬ

Перевод с польского
Сергея Крыжицкого

НОВАЯ КНИГА

"КАТЫНЬ" не сходит со страниц мировой печати. Почти каждый день публикуются новые требования о полном расследовании совершенного в Катини массового убийства польских офицеров.

Краеугольный труд Ю. Мацкевича является первым всесторонним исследованием этой страшной темы, главного "белого пятна" в советско-польских отношениях, изданным на русском языке.

В книге 354 страницы, включая 34 фотографии.
Цена — 20 ам. долларов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗАРЯ
ZARIA PUBLISHING CO.
73 BISCAY ROAD
LONDON, ONTARIO
CANADA N6H 3K8

В издательстве "Третья волна" вышла из печати книга

**Д. Штурман
"ГОРОДУ И МИРУ"**

— анализ публицистики А. И. Солженицына, 432 стр.

В книге проанализированы публицистические выступления Солженицына до его изгнания из СССР и после него, его отношение к социализму, коммунизму и демократии, к Западу, к будущему своей страны и мира, его позиция в национальном вопросе, его взаимоотношения с некоторыми течениями диссидентства.

Книгу можно заказать по следующим адресам: 1) Mr. Alexandre Glezer (c/o Marie-Therese de Foras) 215, rue du Faubourg St. Honore, 75008 Paris, France; 2) Mr. Alexandre Glezer, 286 Barrow Str, Jersey City, N. Y. 07302, USA

Цена книги 25 долларов

НОВАЯ КНИГА,
посвященная 1000-летию Крещения Руси и Русского народа,
ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Сборник избранных национально-патриотических статей из двенадцати периодических эмигрантских изданий. 293 стр., 27 н. м., 16 ам. долл.

Заказывать у автора: V. Zarubin, Leopoldstr. 69, 8000 München 40, West Germany

Издательством "Поиски" переиздана книга незаслуженно забытого крупнейшего
русского ученого-экономиста **Б. Д. БРУЦКУСА**

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Теоретические мысли по поводу русского опыта

с предисловием, комментариями и послесловием В. Сорокина и Д. Штурман, пояснительной статьей лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайека и др. материалами.

Цена книги 72 фр. фр. Чеки направлять по адресам:

1) Victor Sorokine — 5, bd. de la Gare, 94470 Boissy-St.-Léger, FRANCE, и S. Tictin — Greenspan Str., 12/6, Misrahk Talpiot 422, Jerusalem 93802, ISRAEL

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

